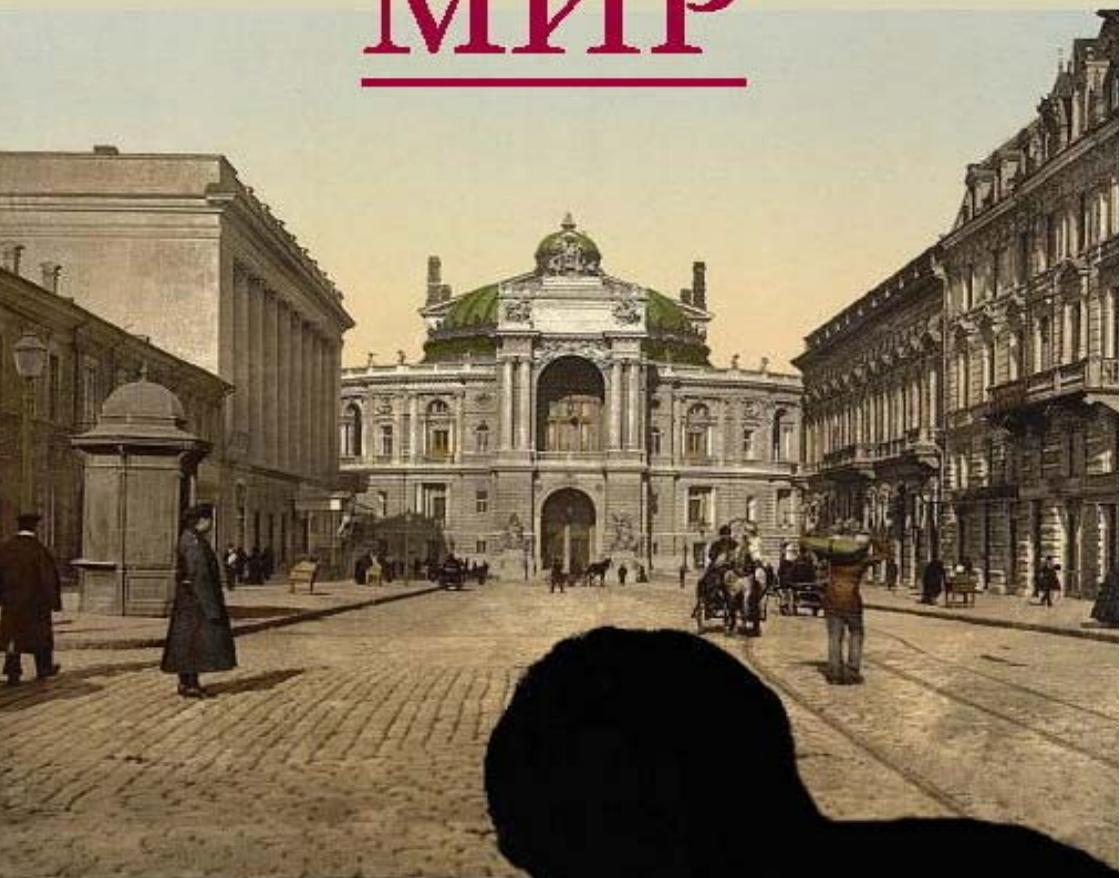

В. В. фон Ланге

ПРЕСТУПНЫЙ МИР

Воспоминания сыщика

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**

VI

Salamandra P.V.V.

В. В. фон Ланге

ПРЕСТУПНЫЙ МИР

Воспоминания сыщика

Salamandra P.V.V.

Ланге В. В., фон

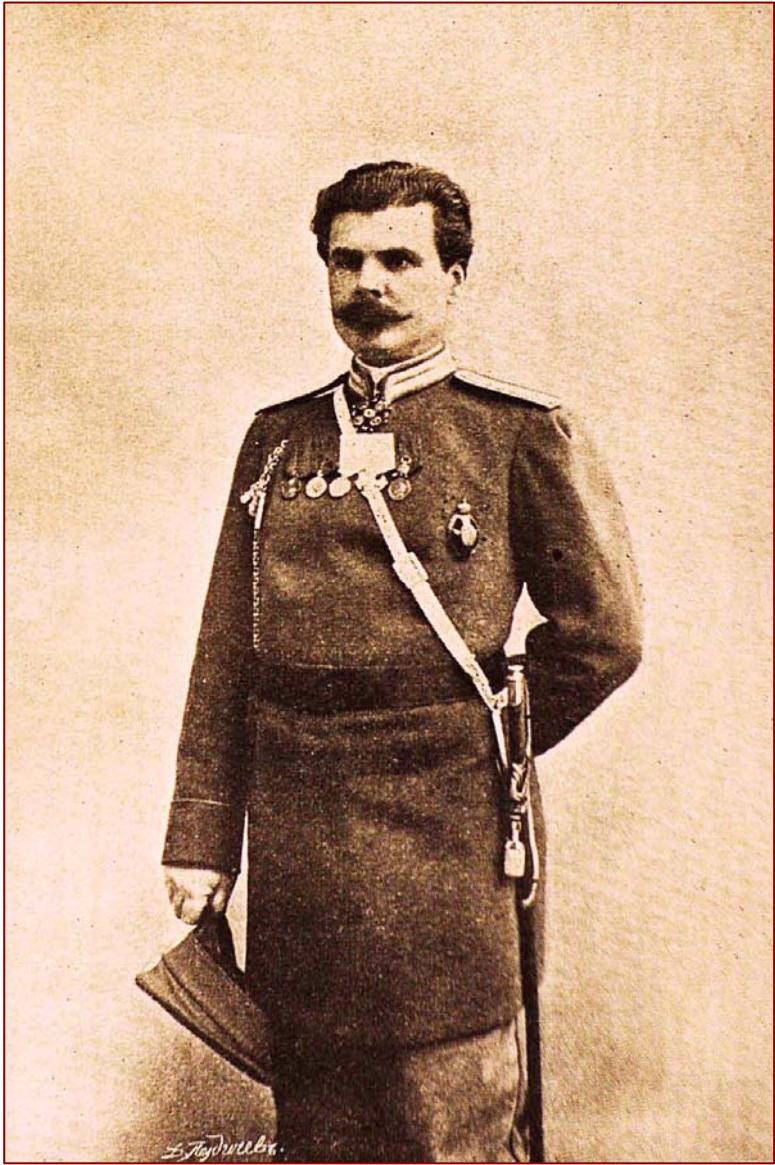
Преступный мир: Воспоминания сыщика. Предисл. и подг. текста А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 112 с. – PDF. – (Новая шерлокиана, Вып. VI).

Перед читателем – первое за 100 с лишним лет отдельное издание записок выдающегося российского сыщика В. В. фон Ланге (1863-1918), много лет проработавшего помощником начальника сыскного отделения Одессы и начальником Харьковской сыскной полиции.

Увлекательные рассказы о расследовании преступлений сочетаются в этой книге с характеристиками различных категорий преступников, раскрытием криминальных схем карманников, грабителей, убийц, мошенников, фальшивомонетчиков. Таковы воспоминания талантливого следователя и мастера агентурной работы, который по праву должен занять свое место в ряду виднейших сыщиков Российской империи – И. Д. Путилина, А. Ф. Кошко и других.

© А. Sherman, предисловие, подг. текста, 2013

© Salamandra P.V.V., оформление, 2013

**ПРЕСТУПНЫЙ
МИР**

ЗАБЫТЫЙ СЫЩИК ВИТАЛИЙ ФОН ЛАНГЕ

Перед читателем – первое за 100 с лишним лет отдельное издание записок легендарного сыщика Виталия Владимировича фон Ланге.

Поразительно, что воспоминаниям Ланге так долго пришлось дожидаться переиздания: ведь он принадлежал к той же славной плеяде российских сыщиков, что и И. Д. Путилин, В. Г. Филиппов или А. Ф. Кошко. Но Ланге не обладал ни известностью и высоким положением Кошко (как-никак, главы всего уголовного сыска империи), ни популярностью Путилина, ставшего героем занимательных «выпусков». Его книга, снабженная грифом «для служебного пользования», многие десятилетия оставалась в заточении на полках мало кому доступных «спецхранов» библиотек.

Биографией Ланге мы обязаны архивным разысканиям В. Н. Чисникова, историка уголовного розыска и ведущего научного сотрудника ГНИИ МВД Украины. Еще в 1997 г. он опубликовал на страницах ведомственной газеты МВД Украины «Именем закона» фрагменты записок Ланге со своим предисловием¹. Писали о Ланге также петербургский исследователь Р. Любвин и авторы книги «Бандитская Одесса» В. Файтельберг-Бланк и В. Шестаченко². Однако именно Чисникову удалось обнаружить в Государственном архиве РФ дело Департамента полиции «О пенсии Аккерманскому уездному исправнику, титулярному советнику Виталию фон Ланге»,

¹ Ланге В. В. Преступный мир: Мои воспоминания об Одессе и Харькове // Именем закона. 1997. № 27, 28 (публ. и предисл. В. Чисникова).

² Любвин Р. Он сажал Соньку Золотую Ручку // Милиция. 2000. № 3. С. 47-49; Файтельберг-Бланк В. Р., Шестаченко В. В. Бандитская Одесса: «Двойное дно» Южной Пальмиры. Одесса, 1999. С. 268-277.

что позволило ученому восстановить детали биографии этого выдающегося сыщика.

Ланге родился в 1863 году в обедневшей дворянской семье немецкого происхождения. В 1879 г. он окончил седьмой класс 4-й Московской военной гимназии, был зачислен вольноопределяющимся в 13 стрелковый батальон и вскоре направлен в Одесское окружное юнкерское училище³.

По окончании обучения в августе 1881 г. Ланге получил звание подпрапорщика. Он провел шесть лет на армейской службе в 59-м пехотном Люблинском полку и 25-м пехотном Могилевском полку и дослужился до звания подпоручика.

В начале лета 1887 г. фон Ланге вышел в отставку и 11 августа 1887 г. был назначен околоточным надзирателем Одесской городской полиции. В общей сложности Ланге прослужил в полиции более четверти века, в том числе 18 лет – в полиции Одессы. Несколько лет он занимал должность помощника начальника сыскного отделения «Одессы-мамы», одного из крупнейших уголовных центров Российской империи.

Исследователи единодушно называют Ланге одаренным сыщиком, бесребреником и сторонником научного подхода к криминалистике. По подсчетам Файтельберг-Бланка и Шестаченко, Ланге успешно расследовал свыше 300 уголовных дел, причем неоднократно поощрялся денежными премиями и благодарностями. Он создал широкую агентурную сеть в преступном мире, составил классификацию правонарушителей, вел специальную картотеку на преступников-«гастролеров», а в своих воспоминаниях раскрыл множество криминальных схем воров, грабителей, убийц, фальшивомонетчиков, аферистов, мошенников и т.д.

Чисников приводит впечатляющие служебные показатели Ланге, отмеченные в приказе 1896 года:

³ Здесь и далее изложение в основном по статье: Чисников В. Н. В. В. фон Ланге – сыскных дел мастер // Юго-Запад: Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. Вып. 7. Одесса, 2009. С. 229-237. См. в этой статье библиографию других публикаций автора, посвященных Ланге.

«...26 февраля 1896 г. объявлена Одесским градоначальником приказом по полиции отлично-усердная и выдающаяся служба по обнаружению преступлений, подтвержденных прокурорской властью в нижеследующих:

1) открыл и задержал 4 убийц двух женщин Киворотовой и Кругловой с целью грабежа;

2) обнаружил и задержал 4-х убийц мещанина Синицина с целью грабежа;

3) разыскал и задержал убийц супругов Эрнест;

4) задержал беглых каторжников Позульского и Тарасова;

5) задержал 4-х ссыльнопоселенцев, бежавших из Сибири и совершивших после побега кражи;

6) обнаружил и задержал шайку лиц, подделывавших паспорта для беглых, а также других преступников;

7) задержал 5-х преступников, бежавших из арестантских рот;

8) обнаружил виновных в совершенных в Одессе разновременно 12-ти кражах и разыскал похищенное;

9) открыл и задержал несколько лиц, проживавших в Одессе по поддельным документам;

10) двоекратно обнаружил тайное винокурение и задержал лиц, занимавшихся винокурением»⁴.

В апреле 1896 г. Ланге по распоряжению министра внутренних дел возглавил бригаду одесских сыщиков, направленных в Москву «для усиления полиции во время священного коронавания их Императорского Величества».

Около года спустя Ланге, во время задержания преступника в Одессе, был ранен в лицо и через полгода после ранения полностью ослеп на правый глаз. С тех пор раненый глаз часто воспалялся и зрение Ланге постоянно ухудшалось.

В июне 1902 года Ланге предложили возглавить только что созданное сыскное отделение при харьковской городской полиции. Уже в конце июня харьковский губернатор объя-

⁴ ГАРФ. Ф. 102, 1-е д-во. 1914. Д. 574. Цит. по: Чисников В. Н. *Op. cit.*, с. 231-232.

вил ему благодарность за задержание шайки преступников-отравителей. В том же году Ланге развелся со своей женой С. А. Влащевской и женился на вдове одесского купца Екатерине Георгиевне Степановой.

*Титульный лист книги В. В. фон Ланге
«Преступный мир» (1906)*

На излете харьковской службы Ланге опубликовал книгу «Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове» (Одесса, 1906). Книга вышла в самый канун расцвета так называемой «пинкертоновщины» – копеечных переводных

и подражательных «выпусков» о приключениях сыщиков от Шерлока Холмса до Пата Коннера, авантюристов, разбойников и пр. Ланге описывал в книге примечательные дела, подробно освещал методы «работы» преступников, предложил их классификацию. И все же ему не довелось стать героем старого или новейшего детектива – подобным, скажем, Путилину. Не исключено, конечно, что некоторые уголовные расследования, описанные Ланге, отразились в произведениях русских авторов популярной «сыщицкой» литературы начала XX в., но это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

В январе 1907 г. Ланге вернулся в Одессу на должность помощника Одесского уездного исправника, позднее служил в Самарской губернии богульским и затем николаевским уездным исправником.

Отметив в 1912 г. двадцатипятилетний юбилей полицейской службы, Ланге через месяц вышел в отставку по болезни. Служба не дала ему ни чинов, ни денег: титулярному советнику Ланге назначили пенсию в 142 рубля 95 копеек (на своей последней должности он получал ежегодно 2275 руб., включая квартирные и столовые).

Жена Ланге, к счастью, имела собственный каменный дом на ул. Прохоровской, 34 в Одессе. Но Виталию Владимировичу и Екатерине Георгиевне приходилось заботиться и об общем их сыне Володе, родившемся в 1902 г., и о двух дочерях Степановой от первого брака.

В 1913 г. в Одессе была издана – в двух выпусках – книга Ланге «Истина о “Золотой ручке”». Ланге вовсе не пытался поправить финансовое положение семьи мемуаристикой: у сыщика, пожелай он, имелись и другие возможности живописать свои приключения. Его возмутили выдумки журналиста Ратмира, который в очерках, печатавшихся в газете «Одесская почта», воспевал похождения знаменитой воровки Соньки-Золотой ручки (С. Блювштейн); попутно журналист издевался над недалевидностью и беспомощностью полицейских чинов. «Желая вывести из заблуждения общество, введенное в таковое г. Ратмиром» – писал Ланге, расследовавший дело Соньки, – «я, как прослуживший в Одесской

городской полиции около 18 лет, где в продолжении нескольких лет состоял помощником начальника сыскного отделения, постараюсь доказать неправдоподобность и полнейшую недействительность того, что описывает в своем бесконечном фельетоне г. Ратмир».

Болезненное состояние и скудная пенсия Ланге побудили бессарабского губернатора обратиться в августе 1914 г. к министру внутренних дел с просьбой назначить полицейскому ветерану «усиленную» пенсию в размере 1650 руб. в год. Министр поддержал ходатайство, но министерство финансов отказало, ссылаясь на недостаток средств.

Отписка министерства обрекла забытого сыщика на дальнейшее прозябание. Жить ему оставалось менее четырех лет, и смерть его была насильственной. Некоторый свет на гибель Ланге удалось пролить видному историку уголовного розыска В. Н. Чисникову. Предоставим ему слово:

«О трагической смерти фон Ланге я узнал совершенно случайно. Работая в Центральном государственном историческом архиве Украины, в одном из архивных дел мне на глаза попался черновик документа, текст которого был написан простым карандашом на двух листах обычной школьной тетради в клеточку. Вот его содержание:

“Исх. №276 от 25. IV. 1918 г.

Прокурору Одесского окружного суда.

Получив сведения от родственников убитых Виталия Владимировича фон Ланге и Константина Давыдовича Магнера, что на производившемся в Ананьевском уезде предварительном следствии не было еще произведено судебно-медицинского вскрытия трупов убитых и что последние похоронены в Одессе: фон Ланге – на военном, а Магнер на лютеранском кладбищах, наставляю Вас, господин прокурор, для надлежащих распоряжений, присовокупляя, что могилы названных фон Ланге и Магнера могут быть указаны сестрой первого – Валентиной Владимировной Лебедевой, проживающей по Вознесенскому переулку в доме 26, кв.5 и матерью второго – Софией Ефремовной Магнер, проживающей по Стурбовскому (?) переулку в доме № 1». На втором листе указывалось, что «...следствие находится у судебного

следователя в Березовке Ананьевского уезда. На основании 2 ч. 289 и 290 ст. Устава уголовного судопроизводства необходимо немедленно поручить одному из местных следователей произвести вскрытие»⁵.

В документе этом много странного. Не упоминается жена Ланге – была ли она к тому времени еще жива? Что делал бывший сыщик в Березовке, городке на реке Тилигул примерно в 80 км от Одессы?

Времена были беспокойные: бушевала гражданская война, под Одессой орудовали вооруженные банды и группировки анархистов. В начале марта 1918 г. в Березовку, к примеру, прибыл на поезде отряд атаманши-анархистки Маруси (М. Никифоровой), которая потребовала от жителей громадную «контрибуцию». В одесских и херсонских газетах того времени можно встретить упоминания об артиллерийском обстреле Березовки, устроенном Марусей, о грабежах, обысках и появлении в городке отряда Григория Котовского. Последний, по рассказам, выступил защитником угнетенных – под страхом расправы запретил жителям выплачивать дань Марусе и вынудил ее покинуть местечко.

Погиб ли Ланге от рук «идейных» анархистов, среди которых было немало бывших уголовников, или «просто» бандитов? Ответа нет.

«В материалах архивного дела хранится еще один документ, в котором упоминается фамилия В. В. фон Ланге» – продолжает Чисников. «19 апреля 1918 года председатель Главного комитета земельных собственников Юга России, обеспокоенный убийством одного из членов комитета, направил прокурору Одесской судебной палаты протокол за № 1134, в котором сообщалось, что “...Комитет убедительно просит не отказать предложить предварительное следствие опытному судебному следователю, в виду некоторой связи настоящего преступления с убийством фон Ланге, Магнера и других”. К сожалению, в материалах архивного дела нет сведений о том, при каких обстоятельствах погиб Виталий Владимирович

⁵ Чисников В. Н. Там же, с. 235-236. Автор ссылается на ЦГИА Украины, ф. 419, оп. 1, д. 7284.

фон Ланге – один из выдающихся сыщиков Российской империи, который почти всю свою сознательную жизнь отдал борьбе с профессиональной преступностью. Его имя по праву должно стоять в одном ряду с именами выдающихся сыщиков дореволюционной России...»

Записки В. В. фон Ланге публикуются без сокращений по одесскому изданию 1906 г. (тип. Л. Нитче). Помимо перевода в современную орфографию, была проведена определенная редакция пунктуации, исправлены опечатки исходного издания. Вместе с тем, сохранен колоритный стиль Ланге, изобилующий неправильностями, не слишком грамотными оборотами, «одесским языком» и полицейским жаргоном. Ланге был не литератором, а армейским офицером и кадровым сыщиком; так изъяснялись в конце XIX-начале XX в. не книжные, а настоящие сыщики, и не наше дело – их поправлять.

А. Ш.

Масса всевозможных преступлений совершается ежедневно у нас в России, в особенности в г. Одессе, куда съезжаются преступники чуть ли не со всего света. Из всех преступлений более всего изобилуют кражи, грабежи и мошенничества. Преступники многих пострадавших, добывавших трудовую копейку «потом и кровью», доводят до нищеты, отнимая и похищая все необходимое для жизни, и нередко даже некоторых из них делают, благодаря критическому и безвыходному положению их, самими преступниками. Долголетняя моя служебная деятельность, а также любовь и привязанность к делу сыска, дала мне возможность всесторонне познакомиться с многими преступниками разных категорий и изучить как характер преступников, так равно совершаемые ими преступления, а также некоторые приемы, употребляемые ими при совершении известного рода преступного деяния (почти каждая специальность преступления совершается при известных условиях или приемах); и прежде, чем описать случаи тех массовых задержаний преступников и обнаружения мною похищенных и ограбленных вещей и вообще добытых преступлением, я считаю долгом познакомить своих читателей с тою категориею преступников, которая оперирует у нас в России в особенности в больших, ведущих обширную торговлю, городах. Преступники эти или разъезжают по городам «на гастролы», или живут оседло в своем городе, совершая безнаказанно преступления.

Первые, т. е. гастролеры, опаснее последних, ибо, явившись неожиданно в какой-либо город, совершат известное преступление и тотчас уезжают обратно,

увозя с собою все добытое преступлением; местная полиция, не зная о посетивших их город неизвестных гастролерах, вводится в заблуждение: производя розыск, арестовывает по подозрению уже известных ей порочных лиц, предъявляет их потерпевшим и свидетелям и, как неопознанных и не уличенных в совершенном преступлении, освобождает из-под стражи, подвергая себя иногда ответственности за неправильное лишение свободы и превышение власти. Кроме того, полиция производит в квартирах известных своим прошлым лиц обыски, выимки и розыски и, конечно, безрезультатно. Гастролер же, возвратившись в свой город, сбывает все привезенное уже заранее предупрежденным и ожидающим их лицам, занимающимся покупкою и сбытом краденных вещей. Единственное счастье потерпевшего, когда полиция задержит гастролера с поличным где-либо на вокзале, пароходе или на улице, а иногда и в квартире покупателя краденного; когда полиция, производя розыск похищенных в своем городе вещей, случайно натолкнется на такие предметы, которые покажутся полицейскому чиновнику подозрительными и отберет их, в ожидании явки потерпевшего или сообщения из других городов. Каждая специальность преступника называется известным воровским термином, а также инструменты, служащие для совершения взломов и вообще преступлений, носят отдельные воровские названия, которые я укажу при описании некоторых фактов задержания преступников.

Неуспех розысков преступников и всего того, что ими совершается, объясняются следующими причинами: 1) а) малочисленностью состава сыскного отделения; б) малоопытностью агентов этого отделения и в) средств, отпускаемых на розыски, на содержание сыскного отделения и скудное жалованье агентов;

2) недостаток таких полицейских чинов (в местностях, где не имеется сыскного отделения), которые относились бы к делу сыска и к известному совершенному преступлению с особенным вниманием, энергией и уверенностью в раскрытии преступления, а главное, недостаток таких чинов полиции, которые знали бы в своем городе всех лиц порочного поведения: покупателей краденого, укрывателей и мест, где собираются подозрительные лица.

Весьма неудивительно, что полиция мало обращает внимания на совершенные преступления, относясь к этому отчасти индифферентно; я говорю о тех местностях, где отсутствует сыскное отделение, ибо она занята исключительно своим прямым делом: всевозможными взысканиями, канцелярщиной, нарядами, дневными и ночными дежурствами и вообще наружной частью по отношению благочиния и спокойствия в городе. Эта часть служебной обязанности не дает возможности чинам наружной полиции заниматься розысками, составляющими косвенную часть служебной деятельности. В тех городах, где функционирует сыскное отделение, агентов отвлекают от специальных обязанностей, заставляя их быть в помощи наружной полиции, тогда как последняя должна оказывать полное содействие сыскному отделению и помогать им в розыске, или ставят их в секретные наблюдения и охрану каких-либо учреждений. Вот почему розыски преступников преимущественно безрезультатны.

Успех розыска всецело в зависимости от опытности сыскного агента, который должен отличаться следующими качествами: быть честным, находчивым и быстро-сообразительным – это главные черты агента; быть смелым, предусмотрительным; внимательно следить за каждым движением лиц, в особенности при

производстве обыска или личного осмотра; детально вникать в мельчайшую подробность происшествия; прислушиваться к суждениям публики, быть обсудительным и строгим критиком; своих впечатлений не высказывать другим, а если высказать, то в сжатой форме; чужие соображения, если они сообразны с обстоятельством дела, принять к сведению. Зоркость, проницательность, а в некоторых случаях притворство ничего не знающего и малопонимающего человека, дают возможность иногда раскрыть важные преступления. Необходимо, по возможности, скрывать свое служебное положение.

Агент не должен бояться смерти или угроз, а идти на розыск с убеждением, что его другие боятся, и в полной уверенности в успехе. Стараться узнать в лицо всех лиц порочного поведения (фамилию и уличную кличку); не мешает узнать фамилию и жительство сожительниц, как настоящих, так и прежних; последние, будучи в разладе и зная грешки своих обожателей, смогут дать ценный материал в изобличении в преступлении. Агент с хорошей памятью много выигрывает в деле сыска. Нужно знать специальность каждого преступника: карманщик, вор квартирный, магазинный, шантажист или мошенник и т. п. Необходимо знать сборище подозрительных лиц – «притоны», их укрывателей – «малину», покупателей краденого – «блатыкайна», а главное, секретные места покупателей – «хавира»; не лишнее знать взаимные отношения преступников, т. е. кто с кем дружит и совместно квартирует. Не только интересно знать преступников-исполнителей, но необходимо знать и их помощников, напр., недостаточно знать одного карманщика-исполнителя («моровихер, ширманщик»), а нужно знать его помощника-«тирщика», т. е. того, который перед совершением кражи сдавит или толкнет

намеченную жертву или собою заслонит исполнителя, приняв иногда от него похищенное. В железнодорожных кражах исполнитель едет в I кл., а его помощник во II кл., и вообще исполнитель едет в вагоне классом старше, чем едет его помощник. О железнодорожных ворах я буду говорить дальше, дабы познакомить читателей, в особенности таких, которые часто разъезжают поездами, пароходами по делам службы или с коммерческой целью, либо в каких-нибудь других случаях, с теми случаями и приемами воров, какие они употребляют со своими жертвами по пути следования пассажира и этим поставить читателей в известность быть предупредительными и предусмотрительными. Заканчивая главу об агентах сыскного отделения, должен сказать, что наибольшую пользу в деле розыска могут оказать те же самые преступники, которые окажутся на стороне агентов и которые, вращаясь в кругу своих товарищей, узнают от них о совершенных ими преступлениях и сбыте похищенного, сообщают сведения агентам сыскного отделения, а эти последние, следуя указаниям шпионов, часто успешно разыскивают преступников и все добытое ими. Таких агентов нужно тщательно скрывать; при встрече на улице показать, что они совершенно не знакомы агенту и, в случае нахождения его в компании преступников, нужно арестовать и его совместно с другими. В участке, в камерах для арестованных, такой вор-шпион также может оказать услугу, ибо преступники, не стесняясь своих товарищей, открыто рассказывают о совершенном ими преступлении, говоря, как проникли в помещение; при этом товарищи критикуют действия их, высказывая свои впечатления, указывая на неправильность исполнения преступления. Бывали такие случаи, что арестованные при

участке ранее узнавали о совершенном преступлении, чем полиция.

II

К категориям преступников относятся: убийцы, разбойники, грабители, воры, мошенники, фальшивомонетчики, поддельватели фальшивых паспортов и печатей, тайные винокуры и разные другие.

Я не стану говорить об убийствах, совершенных на почве ревности, в запальчивости, в раздражении или вследствие полученного оскорбления или мести, а опишу несколько случаев убийств, совершенных разбойниками или профессиональными ворами-грабителями с целью ограбления и похищения имущества и денег. Опишу некоторые случаи убийств в г. Одессе, где я, прослужив в полиции около 15 лет, лично задерживал убийц и обнаруживал преступления.

На Хуторской улице проживал в небольшом одноэтажном домике старик-птичник Синицын, слывший за денежного человека и скрягу. Жил он особняком, одиноко, занимая квартиру из одной комнаты с кухней. Целые дни он проводил на базаре в птичьем ряду, где имел свою будку; являлся домой поздно вечером. В марте месяце днем в квартиру Синицына проникли воры, совершив кражу вещей на незначительную сумму, приблизительно рублей на 30. Воры искали денег, ибо посрывали с икон ризы, не представляющие собою ценности, как металлические, но денег не нашли. Старик всегда деньги носил при себе.

В ту же самую ночь было совершено убийство Синицына, причем покойный был задушен ремневой

петлею, а в виске его зияла глубокая рана, нанесенная, очевидно, молотком, тут же валявшимся. Сообщили мне об убийстве старика около 9 час. утра. Отправившись к месту происшествия, я застал там уже все власти с прокурором суда во главе. Осмотрев труп и все помещение покойного и, сняв с шеи Сеницына ремень, взял таковой себе с целью выяснить принадлежность его; присутствующая здесь внучка убитого сообщила мне сведения об ограбленных у ее деда вещах. Во дворе здесь же я в числе публики заметил известного рецидивиста Ткаченко, прозываемого поличному Петьюкою Голдышом. Местный пристав, подойдя к нему, что-то беседовал с ним и в конце разговора вручил ему трехрублевую кредитку. Всмотревшись пристально издали в Голдыша, у меня явилась мысль – не он ли участник этого преступления и не явился ли он сюда, дабы смыть с себя всякое подозрение. Инстинкт меня весьма редко обманывал и я, следя за выражением глаз Голдыша, почему-то был убежден, что Голдыш есть убийца Сеницына. Подойдя к приставу, я высказал свое впечатление о Голдыше, но пристав, посчитав это за шутку, просил не задерживать Голдыша, говоря, что он обещал разузнать действительных виновников этого преступления.

Я все-таки подозвал к себе Голдыша и, отойдя с ним в сторону, в шутливой форме спросил его:

«Скажи, Петька! чья эта работа, чего ты сюда пришел? не ты ли покончил со стариком?» Устремившись глазами в Голдыша, я старался уследить всякое движение нерва на его лице, на котором прочел многое; я был глубоко убежден, что это дело – его рук. Голдыш слегка улыбнулся, улыбка была неестественная, напряженная.

«Разве Вы, В–Б–дие, не знаете мою специальность: замок взломать, шапку с головы содрать, пьяного обшарить – это мое дело; в своей жизни курицы не зарезал, а то бедного старика, да при том знакомого, лишить жизни. Нет, ошибаетесь! я приставу обещал поразнюхать и наверное разыщу убийц», возразил Голдыш.

На этом мой разговор с Голдышем и окончился; пристав жестом указал мне отпустить его. Приехав домой, я стал обдумывать это происшествие и у меня так и запечатлелись черты лица, игра глаз, судорожность губ и лица и вообще настроение духа Голдыша, что я положительно пришел к неизменному убеждению: убийца Синицына – есть не кто иной, как Голдыш, и крайне сожалел, почему я, с места в карьер, не арестовал его.

Мысли мои были рассеяны телефонным звонком. Вызвал меня полицеймейстер Б., прося, во что бы ни стало, открыть это возмутительное преступление, говоря, что он даже дал слово прокурору, что преступление будет открыто мною. Я долго был в нерешительности, боясь дать слово полицеймейстеру, но, вспомнив свои впечатления о Голдыше, сказал: «Хорошо! прошу только в продолжении трех суток не беспокоить меня и забыть обо мне».

Рассуждая о том, кто мог бы купить ограбленные вещи и зная, что на Южной ул. проживает одна «блаткайна» Двойра Бройд, которая, покупая от воров похищенное, не расспрашивает похитителей, при каких обстоятельствах совершена кража, решил установить за квартирою Бройд негласное наблюдение, для чего в тот же вечер, переодевшись женщиной (одел на себя длинную юбку, кофту и большой головной платок, коим закрыл себе усы) и, взяв с собою переодетого вновь поступившего городского, еще неиз-

вестного публике за полицианта, отправился следить за квартирою Бройд. Ночь была темная и освещалась улица фонарями. Заняв место против дома, где жила Бройд, я усмотрел в нескольких шагах от меня двух знакомых воров, вышедших на улицу из ресторана, помещавшегося рядом с тем домом, возле которого я сидел. Один из этих воров, обращаясь к своему товарищу, сказал:

«А правда, Гришка, молодец я, что не послушал Петьку Голдыша и не пошел с ним вчера на работу?»
«Чем же молодец, да почему ты отказался? Я у Петьки сегодня видел массу денег, должно быть, более двухсот рублей и, когда я спросил, откуда он достал их, то Петька не пожелал ответить, а дал мне пятерку».

«Разве ты не знаешь, как достались Петьке деньги? Вся полиция на ногах, а ты залил себе глаза вином; смотри, кабы и тебя сегодня не схватили на ночлег в участок».

«В чем дело? Говори, я ничего не знаю. Получив сегодня утром от Петьки 5 руб., я пошел пьянствовать и целый день пью, пока не встретился с тобою», возразил Гришка.

«Ведь Петька Голдыш ухлопал вчера старика-птичника на Хуторской ул.».

«Теперь я понял, откуда у Петьки оказалось так много денег, что не пожалел и меня наделить кредиткою; кто же был с Петькою на работе?»

«Кто! помнишь, мы сегодня на привозе у Гершки встретили Кузьку Добрянского, одетого во все новое, он любит трубку сосать, так это один; затем был с ними Ванька Нос и Ванька Халомидник-рябой».

«Откуда же ты знаешь, что с Петькою участвовали эти лица? Ванька Нос и Халомидник не способны на

убийство, их дело: свиты и тулупы таскать с возов на толчке», сказал Гришка.

«Когда Петька приглашал меня идти с ним “на дело”, то он говорил мне, кто уже согласился участвовать с ним; но были ли они или нет, я не знаю; Кузька, должно быть, был, а то приоделся, да деньжатами обзавелся».

Обоих воришек я тотчас арестовал и в участке оформил весь разговор на Южной ул. протоколом.

На следующий день вечером, переодевшись черно-рабочим, отправился я на привоз в ресторан Гершки, где в числе многих посетителей заметил человека, держащего в зубах трубку и одетого в новую одежду. Я задержал его в полной уверенности, что это Добрянский, хотя никогда я лично его не встречал и совершенно не знал. При обыске у задержанного оказалось около 39 рублей.

«Ну, Кузька, расскажи-ка мне, как это ты с Голдышем и другими убили старика-птичника», спросил я Добрянского.

«Откуда вы знаете, что меня зовут Кузькою и даже называете мою фамилию? ведь вы видите меня в первый раз, я никогда вами не задерживался».

«Знаю тебя, Добрянский, со слов Петьки Голдыша, сознавшегося в убийстве и указавшего на тебя, как на участника этого преступления, заявляя, что ты даже задушил старика собственным своим ремнем, вот этим самым, который у меня в руках».

«Врет Голдыш! ремень не мой, а его; Петька пригласил меня и товарищей на кражу, но не на убийство. Когда мы вошли в квартиру старика, то Петька, не говоря нам ни слова, молотком ударил старика по голове и вслед за этим, сняв с себя ремень, затянул им шею старика», показал Добрянский.

«Кто же участвовал в этом убийстве и как были распределены роли при совершении этого преступления?»

«Повторяю вам, что мы шли на кражу, а не на убийство. Когда Голдыш убил старика, то Ванька Халомидник играл в это время на гармонике, я стоял на цинке (на стороже) и не входил в квартиру, Ванька Нос держал старику руки, а Петька душил ремнем. Петька говорил, что старик любил по вечерам играть на гармонике и играли, чтобы не слышно было бы стопа, ибо по соседству была жилая квартира».

Закончив допрос Добрянского, я по телефону сообщил участковому приставу о задержании убийцы, повинившегося в преступлении, причем просил задержать Голдыша, зная в то же время, что тот скрылся в день обнаружения убийства. В тот же день мною было установлено негласное наблюдение за квартирой Голдыша, где проживала его сожительница Екатерина Макарова. Агент, следовавший за Макаровой, доложил мне, что она ходила на почту и спрашивала на свое имя письмо до востребования, которого в то время еще не было. Перехватив письмо Макаровой, я узнал, что Голдыш проживает в г. Аккермане у своего дядьки. По телеграфу было сообщено местной полиции о задержании его. На другой день после задержания Добрянского, мне удалось арестовать и Ваньку Носа (Шевченко), разгулявшего<ся> в одном из трактиров. Шевченко сознался в убийстве Синицына, заявив, что у покойного оказалось за пазухой 300 руб. и они поделались по 75 руб. на человека, хотя, как он узнал от товарищей, Голдыш их надул, ибо у него видели более двухсот рублей денег.

Немало труда составляло задержать Ваньку рябого-Халомидника, которого я не знал в лицо и который никогда не попадался ко мне. Разыскав одного

воришку, знавшего Халомидника, я сумел сманить его на свою сторону всевозможными обещаниями, предварительно купив ему костюм за 6 р. 50 к. и подарив свои старые сапоги. Воришка этот сообщил мне, что Халомидник ночевал в ночлежном приюте в карантине и спал в том месте, где ложатся рабочие-угольщики, почему я просил указать его. Получив согласие и, переодевшись в костюм грязного чернорабочего, загримировавшись, я намазал черным зубным порошком себе лицо, шею и руки, дабы быть похожим на рабочего-угольщика и, взяв с собою револьвер, отправился в карантин на ночлег; это было приблизительно около 11 часов вечера.

Придя в приют в сопровождении указчика-вора, мы улеглись на грязные матрацы в том самом месте, где прошлую ночь провел Халомидник. Настроение духа было убийственное, насекомые в громадном количестве не замедлили нанести мне визит и посетить мою голову и тело. Недоверие к соседу возрастало. А вдруг приятель мой изменил мне и предупредил своих товарищей в приюте, сообщив, кто я? Конец будет, уложат на месте и концы в воду.

Нервы страшно расшатались, мурашки по телу пробегали в помощь грызущим меня насекомым; я невольно положил руку в карман, взяв револьвер за рукоятку, и прислушивался к каждому шороху; часы пробили 2 часа, слышу стук сапог и чей-то разговор. Сосед мой, приподняв голову, присматривается к идущему к нам человеку и, незаметно толкая меня, говорит: «Он». Дав возможность Халомиднику улечься на матрац и услышав храп его, последовавший через несколько минут, я осторожно встал с своего места и вышел с указчиком на улицу. Подозвав постового городского и войдя обратно в приют, арестовал Халомидника, доставив его в участок.

«Счастье ваше, что вы захватили меня сегодня, а то завтра я собирался оставить Одессу навсегда. Задержал меня фальшивый паспорт, который должен быть готов только завтра. Знаю, что вы арестовали меня за убийство. Когда был задержан Кузька, то я знал, что он выдаст своих сообщников, сознаюсь и я в убийстве Сеницына, но только скажите мне, кто вам сообщил, что я ночую в этом приюте и за сколько вы купили мою голову; пусть мои товарищи отблагодарят шпиону».

Конечно, я Халомиднику не дал никакого ответа, зная, что моего указчика убили бы товарищи, а между тем, он пригодится мне и в других случаях. После задержания Халомидника пришлось три дня подряд побывать в бане, дабы избавиться от той грязи и насекомых, которые не оставили меня в приюте.

III

Не лишенным интереса был другой случай поимки мною шайки разбойников, совершивших убийство двух старух, Криворотовой и Кругловой, с целью грабежа.

Старухи эти проживали в собственном доме на Балковской ул., живя в отдельном флигеле; обе они были до чрезвычайности скупы, отказывали себе даже в прислуге, нанимая изредка человека-соседа для услуг по дому и квартире. Желая сделать небольшую пристройку, Криворотова заложила свой дом в гор. кредит. обществе за 3500 р., каковые деньги должна была получить в день ее убийства. Деньги в банке не получила за поздней ее явкой. О том, что Криворотова должна получить деньги, узнали откуда-то соседи, ко-

которые в ту же ночь убили обеих старух. Узнав об убийстве их, я отправился на место происшествия, где уже застал участкового судебного следователя. Придя во двор, я обратил внимание на задушенную цепную собаку, служившую единственным охранителем старух. Трупы обеих старух с разбитыми до мозгов головами лежали на разных кроватях. На полу валялись разные бумажки, рецепты, квитанции и, между прочим, я заметил ассигновку на получение 3500 рублей из кредитного общества. Вещи, как не представляющие ценности, почти не похищены; взяты только самовар и две медных кастрюли. Обе жертвы убиты топором, оставленным на месте преступления. В чулке Криворотовой я обнаружил 40 руб. кредитками, очевидно, не замеченные преступниками. Данных к изобличению кого-либо в преступлении не было, к покойным никто в квартиру не заходил.

Рассуждая об этом преступлении, я пришел к заключению, что убийство совершено: во 1-х, такими лицами, которые знали расположение комнат и бывали в квартире убитых; во 2-х, что, несомненно, убийцы близкие соседи, именно такие, которых знала цепная собака и на которых она не могла лаять. Задушена же она потому, что в числе убийц были и чужие люди, незнакомые во дворе Криворотовой; и наконец 3-е, что убийство совершено знакомыми покойным людьми, ибо убивать их не было никакого основания, так как они были беззащитны, а убили их потому, что Криворотова знала их в лицо, а этим могла бы выдать преступников.

Не теряя времени, я зашел в ближайшую к случаю бакалейную лавку, содержимую еврейкой, и стал расспрашивать ее, не знает ли она в этом районе какого-нибудь притона-«трусобы» и нет ли вблизи ее квартир с подозрительными лицами. Я заметил, что ев-

рейка стеснялась высказать что-либо и на лице ее видна была какая-то боязнь или даже страх, почему я предложил ей зайти в квартиру, куда последовал и я. Здесь она дала весьма ценные сведения, которыми я не замедлил воспользоваться.

«По соседству с Криворотовой есть домик-хатка, принадлежащий Погуляевой, муж которой сослан в Сибирь за разбой, сын ее Ванька – отчаяннейший вор и грабитель. Сзади Погуляевой живет товарищ Ваньки, прозываемый Колька Косой – также грабитель», заявила мне еврейка.

В тот же самый вечер с пятью переодетыми городовыми я отправился к Погуляевой. Собака ее сильно лаяла на нас и не допускала к дверям. Один из городских тут же ее заколол. Дверь квартиры открыла дочь Погуляевой – Сашка, девица лет 20-и. В комнатах, несмотря на то, что было только около 10 час. вечера, было совершенно темно; я осветил своим электрическим фонарем, с которым всегда бывал на розысках и обысках. Ванька спал на полу, как убитый; надо полагать, что пришел домой сильно пьяным. Будили мы его с четверть часа. Это молодой парень около 19 лет, побывавший уже три раза в тюрьме за кражи. Производя обыск, на чердаке я обнаружил небольшой старый самовар и две медные кастрюли. Вспомнив похищенное у Криворотовой, я был убежден, что эти вещи принадлежали убитым старухам и, значит, нить найдена.

Ваньку и Сашку Погуляевых я арестовал и они мне заявили, что найденные вещи, как старый хлам и принадлежащий им, были заброшены на чердак, где пролежали несколько лет. Ванька Погуляев только сообщил мне, что изредка, по предложению Криворотовой, приходил к покойной, которой услуживал как в

квартире, так равно во дворе, приводя таковой в порядок, частенько даже кормил ее цепную собаку.

Беседуя с Сашкою Погуляевой, я пришел к заключению, что она может все выдать, но боится своего брата. Так как было еще не поздно, приблизительно около 11 час. вечера и, зная, что Погуляева любит выпить, я распорядился приказать принести ужин из ближайшего к участку ресторана и купить $\frac{1}{2}$ бутылки водки. Во время ужина и после выпитой ей третьей рюмки водки, Погуляева вдруг прослезилась.

«Что с вами, чего вы плачете?» обратился я к ней.

«Как не плакать, единственный мой брат Ванюшка, и тот погиб; отца потеряла, когда мне было еще только 10 лет, мать глухая, а тут и брат попался и, кажется, безвозвратно», рыдая, говорила Погуляева.

Я ее успокаивал, обещая всеми силами выгородить его из этого несчастья, говоря, что он несовершеннолетний и наказание для него не так будет строго, как для других, которым более 21-го года; в то же время просил ее рассказать мне, кем принесены самовар и кастрюли и кто совершил убийство.

«Вчера Колька Косой принес самовар и кастрюли; он просил их сохранить до вечера, я не соглашалась на это и даже выбранилась, но Ванька уговорил меня согласиться».

«Вы знали, что собираются убить старух Криворотову и Круглову и кем совершено это преступление?» спросил я Погуляеву.

«Нет, я не знала; слышала только, что Ванька говорил Косому, Чернозубу и Мишке Городилину, что старуха получает из банка крупные деньги и сегодня лишь узнала об убийстве ее. Ванька говорил, что собаку задушил “Косой”. Я хотела сама идти к вам и заявить об убийстве <старух> моим братом, но мне пригрозили также убийством», ответила Погуляева.

«Какой это Чернозуб и Мишка Городилин?»

«Чернозуб – это уличное прозвище, его фамилия Алексеев, сожительница его Ольга Акимова содержится в тюрьме, где по средам Алексеев ее навещает; Городилина я видела у себя один раз, он работает в карантине “на сноске”, там его все рабочие знают».

Просидел я в участке с Погуляевой до 2-х часов ночи и, окончив допрос, я ее немедленно освободил; сам же отправился к «Кольке Косому», которого и арестовал. «Косой» оказался мне знакомым вором, фамилия его Марченко, был уже лишенный всех прав состояний, судился за грабеж. Марченко сознался в участии убийства и заявил, что задушил собаку он, так как она лаяла на них, ибо с ними были Чернозуб и Городилин, которых собака не знала. Убийство совершено только Погуляевым, которого знали покойные, убил он их топором, найденным в кухне. Погуляев пригласил их лишь на кражу денег, которые, по его словам, должна была получить Криворотова из банка на постройку дома; узнал <об этом> Погуляев из разговора старух в то время, когда в кухне он колол щепки для самовара.

Дождавшись среды, я поехал в женскую тюрьму, где ожидал прибытия «Чернозуба». Около 12 часов дня в тюрьму явился высокого роста мужчина, крепкого телосложения, он просил вызвать Акимову. Я тотчас задержал его. На мой вопрос, как его фамилия и где его паспорт, он с дерзостью ответил:

«Какое ваше дело, кто я и как моя фамилия! а вы кто такой?»

Получив такой ответ и видя нахальство со стороны задержанного, я, надев ему на руки кандалы, с двумя конвойными доставил в участок. Назвать своей настоящей фамилии Чернозуб не пожелал, сказав, что его зовут Алексеевым, не помнящий своего родства,

но все-таки сознался в убийстве старух. Спустя несколько дней в карантине я разыскал и последнего обвиняемого, Городилина. Все подсудимые, повинившиеся в преступлении, приговорены окр. судом по 18 лет каторжной работы, за исключением Погуляева, сосланного на поселение в Сибирь по несовершеннолетию.

IV

Убийства совершаются преступным элементом не только с целью ограбления имущества и денег, но совершаются с целью мести; в данном случае преступники убивают своих товарищей за то, что они перешли на сторону полиции; по их выражению, продают товарища за деньги, т. е. выдают совершенные ими преступления. Преступники за выдачу известного преступления приводят свой смертный приговор не только над товарищами, но даже над самыми близкими родственниками. Нижеследующий мой рассказ покажет, что сын способен убить своих родителей за то, что отец, имея сына, ведущего порочный образ жизни, выдал полиции преступника-сына, совершившего крупную кражу, благодаря чему сын приговорен к арестантским ротам.

В Дюковском саду в полуразваленной землянке проживала престарелая чета, супруги Эрнест, занимавшиеся нищенством. У них был единственный сын Иоган, который с 14-тилетнего возраста, вращаясь в кругу испорченных товарищей, стал заниматься кражами и до 20-ти лет своей жизни успел побывать в тюрьме 7 раз. Несчастные старики-родители не знали, что предпринять против своего сынка: бывали не раз

случаи, что Иоган обворовывал своих родителей, оставляя их в том, в чем они вышли из квартиры; приходя пьяным, позволял <себе> оскорблять стариков и даже наносил им побои. Чаша терпения переполнилась и они решили выдать сына, совершившего кражу лошадей и экипажа. Благодаря указанию старика было найдено похищенное и Иоган Эрнест, сознавшись в этом преступлении, был приговорен в арестантские роты на 2 1/2 года с лишением некоторых прав. Отбыл он наказание на 25-м году. Содержась под стражею и зная, что причиною его задержания был его родной отец, Иоган поклялся перед товарищами отомстить отцу. Товарищи поощряли его, восхваляя планы Иогана и давая даже некоторые указания и советы. Тюрьма и вообще места заключения представляют собою школу: там имеются свои прокуроры, присяжные поверенные, учителя, наставники, а иногда и доктора. Здесь они обсуждают всевозможные вопросы, критикуют действия своих товарищей, указывая на те недостатки, которые обнаруживались при совершении известного рода преступления; говорят о тех товарищах, которые сообщают полиции сведения о них и тут же приговаривают их к смерти; трактуют о сыскной полиции, о действиях агентов, высказывая их хорошие и дурные качества.

Выйдя из Херсонских арестантских рот с клеймом лишенного прав, Иоган сделался отчаяннейшим преступником. Мысль отблагодарить отца за проведенное в заключении время не оставляла его. Приехав в Одессу пароходом, он счел нужным посетить один из кабачков карантина. Здесь он встретился с двумя товарищами, с которыми не виделся около трех лет и с которыми проводил время в тюрьме. После долгой разлуки изрядно выпил и даже опьянел. Вышел из кабака поздно вечером и, когда дотащился до землян-

ки своих родителей, было уже около 2-х часов ночи. Старики совершенно забыли, что у них когда-либо был сын и за последние три года положительно ожили. Вдруг поздно ночью кто-то сильно постучался сперва в дверь, а затем в окно. Старик долго не открывал дверь, ибо был немного глух. Подойдя к окну, старик спросил, кто стучится и, когда услышал голос своего сына Иогана, через окно заявил, что он не признает его за сына и просил немедленно удалиться. Рассвирепевший Иоган, высадив окно с рамою, вскочил в землянку и крикнул:

«Так вы принимаете своего сына Иогана? Недостаточно того, что вы продали мою голову полиции, заставили меня три года промучиться в арестантских ротах, а теперь и не признаете сына; так знайте, что сын ваш жив и явился поблагодарить родителей» и, схватив нож, лежавший на столе, вонзил в сердце своего отца. Покончив с отцом, он решил убить и мать свою, как единственную свидетельницу происшествия. Убитого отца положил на кровать, где лежал труп матери.

Убийство было загадочное: корыстной цели не было. Чета Эрнест, как занимавшаяся нищенством, никакого имущества не имела. О том, что Иоган отбыл наказание, никто не знал.

Производя розыск убийц, я по возможности старался выяснить цель убийства и когда, встретив одного вора, узнал от него, что Иоган Эрнест прибыл в Одессу, то у меня мелькнула мысль, не дело <это> рук Иогана.

Дня через три после убийства стариков я узнал, что Иоган, явившись на толкучий рынок, просил своих товарищей собрать несколько рублей для выезда его из Одессы.

Иогану уже кто-то сообщил, что я его ищу и он знал, что я его лично знал в лицо. Наскоро набросив на себя свиту, опоясавшись шерстяным кушаком и одев барашковую шапку, я поехал на толчок; здесь я узнал, что Эрнест пошел в трактир, откуда через черный ход вышел во двор, направляясь к воротам. Я поспешил ему навстречу и, когда я вошел во двор, то Эрнест, не обратив внимания на меня, прошел мимо. Повернувшись обратно, я схватил Эрнеста сзади и, сбив его с ног, задержал. Торговцы, узнав меня, сообщили постовому городовому, при содействии которого я доставил Эрнеста в участок. Иоган на первый же мой вопрос об убийстве родителей дал утвердительный ответ, рассказав все подробности, сопровождавшие убийство. Бессрочная каторга сильно отразилась на лице Эрнеста.

Были еще несколько убийств преступников: убит был лишенный прав Самсонюк и Кисель, прозываемый «англичанином». Первый был убит за то, что, будучи сам отчаяннейшим вором и грабителем, выдал полиции нескольких товарищей, благодаря чему было раскрыто два преступления: убийство и грабеж, где, как передавали мне, участвовал и сам Самсонюк. Другой вор, бывший два раза в арестантских ротах и бессчетно раз судившийся за кражи, убит за то, что, при дележе похищенного, ловко обманывал и обсчитывал своих товарищей, получая львиную долю. Обоим преступникам распорол животы и виновники не обнаружены.

Железнодорожные воры: «мойщик». Этот элемент преступников самый из опаснейших во всем преступном мире. Пассажир, уезжая за границу, переезжая из одного города в другой по ярмаркам и вообще с коммерческими предприятиями, дабы не платить деньги за денежные переводы и не терять времени на получение их, ибо получение денег по переводам сопряжено с известной формальностью, везет с собою крупную сумму денег, спрятав их либо в задний карман брюк, либо во внутренний карман жилета или, надеясь на чуткость сна, оставляет бумажник в боковом кармане, зашивая таковой сверху. Всю дорогу пассажир беспрестанно ощупывает локтем своей руки, чувствуя нахождение бумажника.

В вагоне I-го класса появляется пассажир с небольшим ручным сакom и редко чемоданом и, заняв место в купэ, дает носильщику, принесшему сак, рубль. Одет он по последней моде, при золотых часах, а иногда и золотом портсигаре, в перчатках, на груди бриллиантовые запонки и в галстухе чудный солитер. Словом, пассажир этот представляет собою какого-нибудь богача-аристократа, а в действительности это отчаяннейший железнодорожный вор, побывавший не один раз в тюрьме за кражу. Есть такие воры-«мойщики», которые говорят по-французски, по-немецки и даже по-английски и с некоторым образованием, как напр. Жорж Шварц, окончивший 6 кл. гимназии и владеющий новыми языками. По виду никто не скажет, что он вор: весьма обходителен, услужлив, внимателен и до чрезвычайности вежлив – джентельмэн в полном смысле этого слова.

Заняв место в купэ, вор знакомится с остальными пассажирами; затеивая с ними разговор, выдает себя за помещика (знаком с сельско-хозяйством), купца или иностранца, приехавшего недавно из-за границы (говорит тогда ломаным русским языком и старается заговорить по-французски), соображаясь, конечно, с тем пассажиром, при котором, по его мнению, имеются деньги. Помощник его помещается во II классе и не имеет при себе багажа; встречаются они в уборной I кл. во время движения поезда. Вор-исполнитель едет в вагоне старше классом, чем его помощник.

Исполнитель старается узнать профессию и вообще занятие пассажира и, убедившись, что он при деньгах, решается его обокрасть. Намеченной жертве предлагает выкурить дорогую сигару, говоря, что в Париже по случаю приобрел ящик сигар и что каждая сигара в России стоит не менее 1-2-х рублей; если пассажир заявит, что не курит сигар, то он угощает папиросою. Как сигара, так и папироса пропитаны одуряющим или снотворным веществом. Если пассажир откажется от угощения или окажется некурящим, то вор имеет другое средство усыпить пассажира – бутылочка хлороформа или что-либо снотворное. Пожелав друг другу покойной ночи, пассажир, припрятав бумажник с крупными деньгами и оставив в кармане кошелек с расходными деньгами, засыпает.

Заметив, что все пассажиры спят, вор угощает намеченную жертву хлороформом, тщательно обыскивает его и, похитив бумажник, выходит осторожно из купэ в уборную, где его ждет его помощник; пересчитав деньги, вручает их своему помощнику; последний, приняв бумажник, на первой же остановочной станции слезает и встречным поездом возвращается обратно в свой город. Вор, придя в свое купэ, ложится и засыпает; он сердечный человек, кошелек с рас-

ходными деньгами, хотя бы там было и несколько сот рублей, оставляет своей жертве. Просыпается пассажир, будучи одурманен, не скоро, а одним из последних, жалуясь на головную боль. Проснувшись, обнаруживает у себя кражу бумажника с несколькими тысячами рублей. Подозревать кого-либо в краже он не имеет никакого основания, ибо все пассажиры в наличности. На ближайшей станции делает жандарму заявление о краже.

Бывают и такие случаи: вор, наметив жертву с деньгами, перед сном заявляет ему, что он крепко спит и что при нем имеются крупные деньги и ввиду того, что они следуют совместно до утра следующего дня, просит пассажира сохранить его бумажник с деньгами; предварительно разузнает его профессию и место, куда едет пассажир. Получив согласие и пересчитав деньги, коих бывает 3-4 тысячи, вручает их пассажиру. Ночью, угостив хранителя хлороформом, похищает свой и его бумажники и передает таковые помощнику. Когда жертва делает заявление жандарму о краже, то вор, подозревая заявителя в передаче его бумажника другому лицу, обвиняет его в вымысле заявления, требуя составления протокола и указания точного адреса заявителя, угрожая возбудить против него в уголовном и гражданском порядках дело. Этот прием вора вводит в заблуждение полицию и почти никогда не уловим.

В местностях, где знают вора, кража им не совершается. Доехав до станции, куда взят билет или, если жертва слезла ранее этого места, вор возвращается к себе домой, где его ожидает помощник. Добычею делятся, смотря по уговору: исполнитель зачастую получает $\frac{2}{3}$ части, но иногда делятся поровну. Пересчитывают деньги в уборной для того, чтобы помощник, приехав домой, не обсчитал бы его исполнителя. Луч-

шие железнодорожные воры: Гросталь, Бабский, Гальперин, Торгов, Пшеница, Кац, Ящик и др.

В отличие железнодорожных воров-«мойщиков», совершающих кражу денег и драгоценностей, имеется другая корпорация тех же воров, прозываемых чемоданщиками; это такие воры, которые, разъезжая на поездах, похищают чемоданы, корзины и другие вещи, в особенности в местах скрещения поездов. Они для совершения краж никаких средств не имеют, а похищают чемоданы во время пути ночью, проходя из вагона в вагон; похищенный чемодан выбрасывают с поезда вблизи вокзала, замечая это место; при тихом ходе поезда соскакивают и, вынув содержимое в чемодане, отправляются на вокзал и, сев на встречный поезд, возвращаются обратно.

VI

Карманщики. Так как железнодорожный вор по способу своей преступности весьма схож с ворами, совершающими кражу из карманов, то я считаю долгом познакомить читателей с теми приемами, которые употребляют карманщики при совершении краж. Прежде всего, эту профессию разделю на специальности; карманщик по-воровски называется моровихер или ширманщик, они суть: 1) карманщик-брючник, 2) пиджачник, 3) часовщик и 4) чистильщик. Самое название их дает понять, кто какую совершает кражу; из всех карманных краж самое трудно-исполнимое есть кража из брюк и чистильщик. Есть еще одна специальность карманной кражи у дам (дамщики) и ридикюльщики; первые из них, преимущественно подростки, похищают из кармана платья

дам, который осторожно расстегивают, вытаскивая кошелек; в особенности легко удается вытащить кошелек, когда карман сзади платья; вторые – незаметно открывают ридикюль, похищая оттуда кошелек; эти карманщики по большей части вырывают из рук дам ридикюль; этот способ преступления наказывается как открытое похищение или грабеж.

Карманные кражи совершаются в местах скопления народа: на ярмарках, базарах, всевозможных народных гуляньях, во время крестного хода, в церквах и <во время> разных зрелищ.

Для совершения кражи из бокового кармана пиджака или из жилета, карманщик, имея на левой руке пальто или черный шаль-платок, подходит ближе к намеченной жертве и, заслонив ей левою рукою грудь, из-под пальто или платка осторожно вытаскивает часы или, расстегнув пуговицу пиджака, похищает бумажник; одновременно с этим кто-либо толкает жертву сзади, вследствие чего он оглядывается. Человек, толкнувший жертву, есть помощник похитителя и называется тирщиком. Некоторые карманщики вместо пальто или шали имеют у себя в левой руке фуражку или твердую шляпу-котелок и машут ею, якобы ему жарко; засим на время останавливается и, закрыв шляпою грудь намеченному, похищает из кармана деньги или часы. Карманщик ни палки, ни зонтика не носит.

Карманщик (моровихер), как я раньше сказал, имеет своего помощника (тирщика), хотя многие из них работают без оных. Обязанность тирщика – придавить жертву, толкнуть его или своею рукою закрыть грудь ему; в некоторых случаях карманщик передает похищенное тирщику, который тотчас исчезает, а сам продолжает находиться возле того, у которого совершил кражу.

Розыск похищенного из кармана, в особенности в местах скопления народа, на общественных гуляньях более удачный, конечно, при условии, когда полиция, а главное сыскные агенты, позадерживают всех карманных воров и тирщиков, явившихся на гулянье. Мне приходилось задерживать в толпе карманщиков, у которых при обыске <я> находил по 5-6 пар разных часов и по несколько кошельков. Потерпевшие от краж всегда найдутся и вор не останется безнаказанным. Вот полезно и даже необходимо знать в лицо карманщиков и их помощников.

Привычка к карманной краже не оставляет воров и тогда, когда они материально обеспечены; есть такие карманные воры, которые имеют состояние в несколько тысяч рублей и все-таки продолжают свою преступную профессию, забывая то время, когда они проводили в тюрьме в заключении. К таким субъектам относятся между прочим: Иось Мильман, Шехтер, Янкель Хик, Пишоный, Бабский, Штейнберг, Волошинов, Зайчик, Купик и др. Карманщики большие любители картежной игры; на ярмарках собираются у какого-нибудь своего товарища или укрывателя их и проигрываются до последнего гроша, проигрыш бывает в несколько тысяч рублей. От них нередко можно получить интересные сведения, часто выдают тех товарищей, которые неправильно рассчитываются.

Задерживать с поличным карманщиков мне приходилось очень часто, ибо я знал очень многих в лицо. Однажды я узнаю, что из Румынии в Одессу приехал карманный вор с целью побывать на «празднике цветов», устраиваемом в Александровском парке; одет он будет в черную, шелковую рубаху, имея бриллиантовую булавку-голубок. Приодевшись в изящную пару и положив в свой бумажник газету, я отправился в парк, где была лотерея-аллегория. Наряд агентов был

уже послан в парк и, до моего прибытия туда, агенты успели задержать четырех карманщиков, из коих двух на месте преступления. Подходя к центру гулянья, я встретил также двух карманщиков и одного тирщика, у которых нашел по несколько часов; все были задержаны и отправлены в ближайший участок. Войдя в помещение, где производилась аллегррия, я усмотрел одного молодого человека в цилиндре и черной шелковой рубаше. Приметы этого человека были совершенно тождественны с приметами того приезжего карманщика из Румынии, о котором мне сообщил один из воров.

Указав глазами агентам приезжего румына, якобы не замечая его, я подошел поближе к нему и на лице своем выразил увлечение раздачею выигрышей. Румын заметил мое увлечение и, осмотрев меня со всех сторон, стал ко мне почти вплотную. Публики было, кстати, очень много. Румын, сняв с головы цилиндр, опустил его так, что вся моя грудь была закрыта, ловко расстегнул мне верхнюю пуговицу пиджака и чрезвычайно осторожно начал вытаскивать мой бумажник. Присутствие его руки в моем кармане я не чувствовал, но слышал, как бумажник подвигался медленно кверху; я локтем левой руки его слегка придерживал. Когда бумажник был вытащен более чем наполовину, я схватил жулика обеими руками за его руку, которая была у меня в боковом кармане. Задержать его помогли мне мои агенты, наблюдавшие за каждым движением его. Задержанный в действительности оказался румыном, не знающим ни одного слова по-русски; при личном осмотре у него найдены в кармане брюк хорошие золотые часы с цепью. Часы эти были признаны одним посетителем парка и румын за визит в Одессу был наказан 3-х месячным тюремным заключением и засим, как иностранец, опо-

роченный по суду, выслан из пределов Российской Империи.

Заканчивая о карманных ворах, скажу несколько слов о новорожденной специальности этой кражи (чистильщик).

Два коллеги-вора стоят на улице перед казначейством или банком в ожидании клиента. Выходит из казначейства отставной старый полковник, получивший пенсию. Один из коллег, подойдя к полковнику, говорит:

«Ваше В–Б–ие! Вы всю спину замазали мелом, не позволите ли услужить очистить вас».

«Пожалуйста, пожалуйста, голубчик! будьте любезны, в казначействе в ожидании получения пенсии всю стенку на свою спину забрал», сказал полковник, прося указать, где запачкана спина.

«Да вот сзади вся спина в извести или в мелу», говорит воришка, вытирая своим рукавом спину полковника; последний невольно поворачивает голову назад, чтобы посмотреть, сильно ли испачкался. Во время чистки подходит к полковнику коллега-вор и, расстегнув ему пальто, осторожно похищает из кармана брюк кошелек. Полковник благодарит чистильщика за любезность, но, пройдя несколько шагов и ощутив карман, обнаруживает исчезновение кошелька с полученной пенсией. Хороший исполнитель этой кражи есть карманщик Каплитан.

VII

Воры. Хотя карманщик тот же вор, ибо кража есть тайное похищение чужого имущества, но когда у нас совершают кражу из кармана, то мы говорим, что карманщиком вытаснены часы, деньги или портсигар. Ворами-раклами мы называем тех преступников, которые совершают кражи из квартир, магазинов и разных жилых и нежилых помещений.

Воры, как и карманщики, разделяются на несколько категорий, смотря по роду их специальностей, и они суть: 1) воры, совершающие кражи из квартир, магазинов и других помещений со взломом замков и без оных в отсутствие владельцев или во время сна их, называются «скокорями», «громилами» и «раклами»; 2) воры, но преимущественно воровки, совершающие кражи из магазинов во время самой торговли в присутствии приказчиков и покупателей – «шопен-фелер»; 3) вор, похищающий с крестьянских повозок: провизию, товар, тулуп, свиту или выхватывающие какую-либо вещь у торговцев базара на толкучем рынке – «халомидник», «свиточник» – это все босяки; 4) воры, похищающие скот, лошадей, упряжь, экипажи – «конокрадами, коноводами» и 5) «воры-кошки» – это такие, которые крадут с верхних этажей через открытые балконы или окна; они появляются в квартиру, влезая по водосточной трубе; внизу на улице ожидают кошку товарищи, которым он выбрасывает вещи. Вор-кошка всегда босым идет на преступление.

Квартирный вор-«скокор», идя с товарищами на кражи, запасается необходимыми для взлома замков и ящиков, а также для открытия дверей без взломов некоторыми инструментами, а именно – отмычками

разных размеров, которых шесть номеров; отмычки употребляются для открытия входных дверей квартир и ворот, а также открытия ящиков комодов, гардеробов и конторок; в этом случае имеется целая связка малых отмычек-ключей, с открытым сзади ключа каналом, долото «выдра», ломик «хомка» для взломов дверей, ящиков, сундуков и др.; эти инструменты нужны при всяких кражах. Некоторые воры имеют с собою, кроме описанных выше инструментов, еще другие, как-то: ручную пилу для перепиливания потолков, дверных филенок и стен; коловорот с разными буравами для той же цели; лом небольшого размера около 10 вершков и толщиной доходящий до трехкопеечной монеты; таких ломиков бывает несколько разных величин, все они из чистой стали. Ломик-«хомка» с одного конца имеет конусообразный вид и слегка согнутый, с другой – согнут в противоположную сторону и приплюснут, иногда с небольшим расщепом для выдергивания гвоздей; стальной резец для резки твердых предметов, железных касс и др.; кроме того, у некоторых имеются клещи и выбрасыватель, последний имеет вид дамских щипцов, употребляемых для завивки волос, только о двух желобах, составляющих собою трубку. Выбрасыватель употребляется для выталкивания ключа из дверей, когда таковой оставлен в замке с внутренней стороны или для открытия замка тем же ключом; для этого злоумышленник, находясь снаружи дверей, щипцами схватывает за шляпку ключа и, сжав ключ щипцами, поворачивает его, отворяя замок; в первом случае, вытолкнув ключ, открывают замок отмычкой. При совершении кражи, воры одного своего товарища ставят на стороже, «на цинке», два или три человека входят в помещение, причем у них имеются электрические фонари или куски стеариновых свечей. Иногда имеют

своих извозчиков-«блатных», т. е. таких, которые знакомы с тюремной жизнью; похищенное сбывают за бесценок покупателям краденого – «блатыкайнам», продавая золотые вещи по приблизительному весу по 2 руб. золотник. На драгоценные камни блатыкайн говорит вору, что они поддельные. За кражу, оцененную потерпевшим в 1000 рублей, покупатель уплачивает 150-200 руб. Бывали случаи, что вору, прочитав в газетах стоимость похищенных вещей, в особенности бриллиантов, требовали от покупателей доплаты и нередко инцидент оканчивался для «блатыкайна» печальным исходом, иногда даже смертью.

Магазинным воровкам, «шопен-фелер», для совершения кражи никакие инструменты не нужны – у них приспособлено лишь только одно платье, которое внизу сшито вместе с нижней юбкою и составляет мешок; в верхней части возле пояса платье имеет разрез, служащий отверстием мешка. Зимой они носят ротонду, а летом накидку-мантиль; одеваются всегда изящно: в дорогой шляпе, в бархатных или шелковых накидках. В магазин являются в сообществе двух, трех душ, приходя разновременно. Придя в мануфактурный магазин, требуют показать штуку наилучшего бархата, шелка или кружев. Приказчик с полки достает несколько штук, обозначая цену каждого куска, но одной из покупательниц не нравится показанный кусок, <она> требует показать другие сорта; таким образом, приказчик выкладывает на стойку несколько сортов просимого товара; в тот момент, когда приказчик, повернувшись спиною к покупательницам, достает товар с полок, воровка успевает похитить штуку шелка или бархата и, опустив таковую в свое платье, выходит, заявляя, что не находит подходящего по ее вкусу рисунка материи; одна из ос-

тавшихся воровок покупает аршин или два шелка <и> спокойно оставляет магазин.

Халомидник или свиточник проделывает такие вещи: крестьянин, приехавший из деревни в город за покупками, останавливается на базаре или толкучем рынке, жена его отправляется за покупками, а он остается стеречь своих лошадей.

Зная, что воры могут стащить свиту или тулуп, крестьянин, сложив вчетверо, садится на них; к нему подходят несколько воришек-подростков и начинают заигрывать между собою, причем один из них спрашивает крестьянина, откуда он приехал и что привез для продажи; в то же время, другой товарищ сдирает с головы шапку и бросает на землю возле повозки. Крестьянин, растерявшись и забыв за свиту или тулуп, соскакивает за шапкою с воза; в это время воришка схватывает свиту или тулуп и убегает вовнутрь рынка, где и продает уже известным ему покупателям краденого. Удивительно то, что иногда крестьянин преследует убежавшего вора, но никто из публики не задержит вора, боясь мести со стороны их, а наоборот, стараются преградить путь преследователю. Халомидники чаще совершают кражи перед большими праздниками, похищая окорока, индюков и разную провизию. Попадают эти воришки тогда, когда задерживаются с поличным, но часто за необнаружением потерпевших заявителей дела о них прекращаются.

VIII

Мошенники. Видов мошенничеств есть множество: получение денег из банков по подложным чекам, переводам, телеграммам, продажа резаной бумаги под видом фальшивых денег, продажа медных опилок взамен сибирского золотого песка (россыпь); продажа несуществующих имений и недвижимостей и отдача их в аренду; продажа медных монет взамен найденного клада золотых монет; подбрасывание кошелька с пробками или бумажника с газетою вместо утерянного и найденного кошелька или бумажника с деньгами и много других.

Из всех вышеприведенных видов мошенничеств, я остановлюсь на самом интересном, а именно продаже якобы фальшивых кредитных билетов. Жертв этого мошенничества немало; попадались на удочку мошенников не только простые и малообразованные люди, а лица, занимающие известное общественное положение, с хорошими средствами и с высшим образованием. Поэтому я хочу поставить в известность своих читателей и открыть глаза тем, кто пал жертвою этого ловкого и почти никогда не уловимого вида мошенничества, или же предупредить на будущее время от той приманки, которую могут предложить и уговорить агенты этого рода мошенничества.

В России фальшивых кредитных билетов в обращении нет. В 1901 году в г. Варшаве были задержаны сбытчики фальшивых кредиток пятисотрублевого достоинства; фабриковались они, по слухам, в Берлине. В том же году мною был задержан еврей Вайнтруб, сбывший при посредстве женщины в магазинах Кальфа и Пташникова по одной такой кредитке. Попадают у нас поддельные серебряные и редко золотые мо-

неты. В 1895 году я сам арестовал на Водяной балке подделывателя 15-тикопеечной монеты, найдя штамп и монет около 2000 штук, приготовленных из латуни. В 1901 году мною был задержан еврей, принесший ювелиру 5 монет, приготовленных из меди для позолоты, монеты были пятирублевого достоинства. Установив негласное наблюдение за квартирою ювелира, мне удалось узнать место, где сохранялась часть других фальшивых монет того же достоинства. Сбытчиком оказался провизор, имевший аптекарский магазин на Дальницкой улице; в погребке у него в земле найдено 36 таких монет. Хозяин магазина успел скрыться. Привлекался к ответственности лишь тот, который был задержан с 5-ю монетами.

Процесс обьегоривания аферистами производится так. Предположим, помещик, домовладелец или купец нуждаются в деньгах для постройки дома, для расширения своего дела, для покупки участка земли и т. п. Для приведения своих планов в исполнение необходимо достать тысяч 40-50 руб., для чего готов даже заложить имение или свою торговлю. Нередко встречаем в газетах такое объявление: «Нужны под верную закладную имения деньги 40000 руб. с уплатою 10% годовых, адрес там-то». В одно прекрасное время к помещику, нуждающемуся в деньгах, является прилично одетый еврей и заявляет о том, что он слышал: якобы ему необходимы 40 т. р. под залог имения; он же предлагает ему более выгодную комбинацию без залога имущества и всякого риска; при этом, назвав себя главным представителем по сбыту фальшивых кредиток из Лондона, предлагает ему приобрести за 10000 рублей на 40 тысяч фальшивых рублей, ручаясь за доброкачественность кредиток и уверяя, что без всякой боязни и опасности можно сбыть их в банках, казначействах и других казенных

учреждениях; при этом напоминает, что в Японии и в Китае масса таких фальшивых русских кредиток выпущено во время войны и что таковые в обращении. Засим, достав из своего бумажника несколько новых кредиток 3-х-рублевого достоинства, говорит помещику, что они фальшивые. Покупатель внимательно рассматривает их, сравнивая с кредитками того же достоинства, имеющимися у него и, находя только разницу в цвете (мнимо-фальшивая немного бледнее) приходит в восторг. Оставив у себя несколько таких кредиток, покупатель заявляет продавцу, что он желает лично убедиться в доброкачественности кредиток и сбыте их, прося пожаловать к нему через несколько дней. Помещик, приехав в город, делает покупки, расплачиваясь бумажками, полученными от афериста.

Цвет кредиток теряется вследствие того, что аферистом готовится жидкость, состоящая из чистой воды с примесью 5% соды и нескольких капель нашатырного спирта. Новая настоящая кредитка при погружении в такую жидкость бледнеет, теряя немного цвет; достав кредитку из жидкости, слегка просушивают ее и кладут под пресс. Высохшая кредитка получается совершенно новая, но только бледнее обыкновенной.

Соблазна немало; покупатель, убедившись в годности фальшивых бумажек, ждет с нетерпением продавца. Дня через четыре после первого визита вновь является продавец. Помещик принимает его у себя в кабинете, запрещая кому-либо туда заходить.

«Скажите, пожалуйста! где готовят эти кредитки и при каких обстоятельствах производится провоз через границу», обращаясь к гостю, спрашивает хозяин. Аферист, заранее предвидя подобный вопрос, вынув из своего кармана портсигар и достав сигару,

предлагает закурить покупателю, говоря, что она настоящая гаванская сигара. Покупатель, поблагодарив за любезность, закуривает ее. Когда было выкурено с четверть сигары, аферист просит сломать сигару, тот ломает и к удивлению своему находит 25-тирублевку.

«Вот как нам Лондон пересылает фальшивые деньги», с самодовольной улыбкой заявляет продавец.

«Кредитка эта годна к употреблению?»

«Потрудитесь испытать и не угодно ли вам еще несколько 3-х-рублевок», предлагает продавец, доставая из бумажника штук десять таких бумажек.

Покупатель просит приготовить ему 40 тысяч, предлагая за них 10 тысяч рублей. Продавец соглашается, заявляя, что через неделю приедет к нему. Помещик опять делает покупки, расплачиваясь фальшивыми кредитками, сплавив первоначально 25-тирублевку, извлеченную из сигары. Приходит к неизменному убеждению, что кредитки годны к употреблению. Строя себе воздушные замки, заявляет своей жене по секрету, что ему предстоит разбогатеть сразу на 30 тысяч и что впоследствии <он> сделается миллионером.

В назначенный срок приезжает к помещику продавец и заявляет о том, что заказ в Лондоне уже для него сделан по телеграфу, что транспорт будет доставлен через 10 дней и что ему необходим задаток в 1/3 часть условленной суммы, при этом предлагает покупателю сделать письменное условие в том, что он приобретает за 10 тыс. рублей 40 тыс. фальшивых денег и что 4 тыс. рублей задаточной суммы внесено.

От такого рода расписок многие отказываются, но продавец иначе не соглашается; расписка аферисту нужна для того, чтобы иметь покупателя в своих руках, на случай, если покупатель задумает возбудить

против него какое-либо другое обвинение, напр. грабеж.

Покупатель соглашается сделать условие, сознавая, что ни одна из сторон не может предъявить это условие в суд. Получив 4000 руб. и расписку, продавец кладет их в карман и, доставая оттуда записную книгу и цветной карандаш, что-то записывает в ней.

«Нравится ли вам этот карандаш?» спрашивает продавец.

«Обыкновенный карандаш, красный и синий».

«Нет, не обыкновенный, попробуйте сломать его!»

Покупатель ломает карандаш и там находит свернутую в трубку 25-тирублевку.

«И таким способом провозим мы из-за границы деньги».

Покупатель оставляет эту кредитку, а продавец, уезжая от помещика, говорит, что за получением денег ему, покупателю, нужно будет выехать в другой город, назначив, например, г. Курск – и чтобы через 10 дней быть в Курске с остальными 6-ю тысячами руб.

За неделю до срока продавец, проживая, положим, в Екатеринославе, дает телеграмму покупателю, живущему в Риге, следующего содержания:

«Рига, Морская 17, такому-то. Товар к сроку будет готов, приготовьте 6 вагонов пшеницы, 11 числа буду Курске. Яков».

На другой день опять он телеграфирует в Ригу:

«Товар на пароходе вследствие аварий погиб, сегодня выезжаю Ригу, встречайте. Яков».

Приезжает в Ригу Яков, его встречает помещик. Отправляются они в ресторан, где занимают отдельный кабинет.

«Желая остаться в глазах ваших честным человеком, я приехал сообщить, что транспорт, высланный из Лондона, на границе перехвачен, ибо деньги были

помещены в ящик с двумя днами, что было обнаружено во время досмотра, а потому ввиду того, что к сроку, обязанному распискою, не смогу доставить деньги, возвращаю вам обратно задаток в 4000 руб.», заявляет Яков.

«А я согласно вашей телеграмме приготовил вам остальные 6 тысяч рублей; когда же я смогу приобрести условленные деньги?» спрашивает помещик.

«Не ранее 10 дней».

«В таком случае, позвольте обратно задаток и приготовьте мне 40 тысяч рублей».

Аферисту нужно было знать, имеет ли покупатель 6 тысяч руб. и может ли явиться он в Курск за получением денег. Назначив покупателю день вручения денег и приняв от него задаток в 4 т. руб., продавец выезжает.

За три дня до срока Яков телеграфирует помещику о выезде в Курск.

Взяв с собою 6 тыс. руб., помещик выезжает в Курск, на вокзале его встречает Яков и представляет ему какого-то иностранца-старика, плохо говорящего по-русски.

«Это главный агент из Лондона», говорит Яков, приглашая покупателя к себе в гостиницу за приемом денег.

Приезжают втроем в гостиницу. Яков, осмотрев коридор, запирает на ключ свой номер и опускает занавес окна. Засим, достав из-под кровати ящик, начинает пересчитывать деньги. Покупатель внимательно следит за каждым движением Якова. Вдруг кто-то постучался в дверь их номера, все пришли в ужас. Ящик с деньгами быстро подсунули под кровать; явилась мысль, не полиция ли это? Яков подходит к двери, открывает ее немного и, увидя какого-то человека, спрашивает, что ему нужно?

«Виноват, здесь квартирует Новаковский?»

«Спросите у швейцара и не беспокойте жильцов», возразил Яков, захлопнув дверь.

«Я сильно испугался, предполагая, что полиция проверяет жильцов гостиницы; вдруг вздумает произвести обыск и найдет у меня такую массу денег да еще в ящике, наверное, забрали бы и заподозрили бы меня в краже их. О том, что они фальшивые, я несколько не беспокоился, потому что они не за одним номером и подделка их бесподобная», дрожа, заявил Яков.

Успокоившись и выпив стакан воды, он вытащил ящик из-под кровати и продолжает пересчет денег; все они были 3-х-рублевого достоинства в пачках по 100 кредиток; каждая такая пачка была обернута прозрачною клеенкою, употребляемой для компрессов. Получив с покупателя остальные 6 тыс. руб., Яков, закупорив ящик, обмотал его рогожею и завязал веревкою.

Время отхода поезда в Ригу приближалось. Яков, совместно с покупателем, взяв ящик с деньгами, сев с ним на одном извозчике, поехал на вокзал. Подозвав носильщика, громко сказал ему: «Багаж в Ригу». Поезд был уже на вокзале. Покупатель стоял и наблюдал за Яковом и носильщиком. Яков, возвращаясь к покупателю, вручает ему багажную квитанцию и при добрых пожеланиях и скорой встрече покупатель уезжает.

Приехав в Ригу и получив багаж – ящик, помещик отправляется к себе в имение; багаж приказывает внести в спальню. Ночью, когда все уснули, помещик при жене вскрывает ящик и видит, что в ящике не деньги, которые были помещены в его присутствии, а табак – махорка. Тогда он только соображает, что сделанся жертвою шантажа.

Возбудить преследование потерпевший не может, во-первых, потому, что не знает, против кого предъявить обвинение, не зная настоящей фамилии и адреса продавца; и во-вторых, возбудить дело, значит опозорить себя, принимая в соображение расписку.

Не сомневаюсь, что читатели выразят свое удивление по поводу того, каким образом мнимо-фальшивые деньги отсчитывались при покупателе, зорко следившим за каждым движением продавца, при нем же закупоривали ящик, обвертывали рогожею и сдали в багаж на вокзале, и вместо этого ящика получился другой ящик с махоркою.

До приезда помещика в Курск было приготовлено два совершенно одинаковых ящика, один был с махоркою сдан багажом в Ригу. Человек, постучавший в дверь номера во время пересчета денег, вручил Якову багажную квитанцию, а другой ящик с резаной бумагою и наклеенными на ней 3-хрублевыми кредитками, привезенный покупателем, был сдан багажом в Орел. Яков, отправляя багаж, обменял квитанции и с поездом, которым выехал покупатель, отправился доверенный Якова в Орел за получением багажа, ибо в этом ящике, на резаной бумаге, на каждой пачке наклеены по две кредитки 3-х-рублевого достоинства, коих было на сумму до 600 руб.

Вышеописанный случай редко повторим, но аферисты, дабы взять деньги с того же самого покупателя во второй раз, в первом случае поступают так: на станции прибытия покупателя аферист телеграфирует своему товарищу, выехавшему в город, где живет покупатель и ожидающему возвращения его, о том, что похищен ящик с табаком, отправленный в Ригу багажом. По прибытии поезда с покупателем в Ригу, товарищ Якова предъявляет жандарму телеграмму и просит задержать ящик, как краденый. Жандарм, по-

дойдя к багажному вагону, осматривает багаж и, найдя ящик, приказывает отнести его в контору. Покупатель, видя жандарма, арестовавшего его багаж, моментально исчезает. Аферист, явившись во второй раз к покупателю, говорит, что жандарм, разыскивая оружие, задержал и ящик с деньгами и затем проделывает со своею жертвою ту же операцию.

У аферистов имеется помощник, называемый наводчиком. Последний иногда бывает одна из жертв шантажа. Наводчик, перейдя на сторону афериста, уговаривает своего соседа или товарища купить фальшивые деньги, соглашаясь сделать покупку совместно пополам. Когда накроют жертву, наводчику возвращают внесенную им часть денег и платят до 40% из той суммы, которую получили от покупателя. Привлечь афериста к ответственности весьма трудно, ибо потерпевший никогда не признается в покупке фальшивых денег. Мне удалось лишь один раз задержать афериста, грузина Петра Шартаву, который накрыл одного помещика на 2000 руб. Шартава приговорен на 2 месяца в тюрьму. Раньше закон за этот шантаж не наказывал и аферисты работали открыто, не боясь преследований; с 1893 г. шантаж этот наказывается законом.

IX

Продажа медных опилок взамен сибирского золотого песка. Спекуляция с этими опилками производится теми же аферистами, которые продают резаную бумагу под видом фальшивых денег. Вывоз золотого сибирского песка (россыпи) запрещен. Этим воспользовались аферисты и, приго-

товив из меди мелкие опилки, продают их за россыпь; для этого из нескольких золотых монет они готовят такие же опилки. Найдя покупателя, предлагают ему приобрести по 3 руб. золотник сибирского золотого песка. Песок этот 94° и в продаже золото такой пробы ценится по 7-8 руб. за золотник. Получив согласие покупателя на приобретение этого песка, продавец показывает ему пробу, вручив ему опилки из золотых монет. Покупатель отправляется к ювелиру, просит его сделать с этих опилок сплав и узнать пробу сплава. В пробирную палату идет вместе с ювелиром. Убедившись, что золото 94°, покупатель отправляется к аферисту и улаивается за плату, заказывая песку фунтов 15, причем просит продавца дать ему еще пробу. Продавец опять вручает покупателю опилки из золотых монет (золотников 5-6), при этом ему показывает небольшой замшевый мешок, набитый опилками. Покупатель опять через ювелира узнает пробу опилок и цену такого золота. Убедившись, что россыпь 94°, покупатель соглашается приобрести 15 Фунтов и платит по расчету 3-х. руб. золотник 4320 руб., при этом получает мешок с опилками. Так как законом воспрещена продажа сибирского песка, то покупатель предполагает делать сплавы частями и, взяв часть купленных опилок, золотников 30, отправляется к ювелиру, которого просит сплавить; полученный сплав относит лично в пробирную палату, где ему сообщают, что принесенный им сплав есть кусок меди. Афериста, конечно, и след простыл. Специалистом по продаже этого песка на юге России считается еврей Коранский, прозванный Койроном; он успел в Одессе приобрести даже недвижимость, благодаря тому, что накрыл одного помещика на 12 тысяч рублей.

Продажа монет медных взамен золотого клада производится при следующих обстоятельствах. Аферист готовит монеты; для этого однокопеечные монеты обкладывает песком и заливает клеем, а затем обливает купоросом, вследствие чего круглая монета скрывается в песке, покрытом зеленой окисью, якобы монета эта долго пролежала в земле. Так же проделывают с золотыми монетами – турецкими лирами, превращая их в такие же окисленные монеты. Продавец преимущественно иностранец, персиянин или турок. Большими охотниками покупать клад является духовенство, в особенности монахи. За турецкую лиру при размене на русские деньги платят более 8 руб. Продавец предлагает приобрести каждую монету по 3 рубля, говоря, что живя за границей, где имеет клочок земли, при постройке дома он натолкнулся на клад в громадном количестве и, боясь, чтобы место, где обнаружен клад, не перешло бы правительству, он решил частями вывозить в Россию и продавать по самой дешевой цене; при этом вручает покупателю-монаху несколько окисленных турецких лир. По уходе продавца, покупатель очищает монету от окиси и песка и, найдя внутри турецкую лиру, меняет в банкирской конторе, получая за каждую монету более 8 рублей. Условившись приобрести таких монет на несколько тысяч, покупатель приказывает приготовить их. Продавец соглашается и вручает мешочек с монетами, но только не с турецкими лирами, а с копейными монетами. Ловким продавцом в Одессе считается персиянин-старик Расул Ромазан, который, накрыв одного монаха на 2500 руб., попался на месте преступления, за что и отсидел 6 месяцев в тюрьме.

Подбрасыватели кошельков или бумажников – «счастливчики», «бугайчики», «подкидчики» – выжидают жертву свою возле банков, сберегательных касс, казначейств и обманывают более темный народ: крестьян, прислуг и др.

Заметив, что из банка вышла женщина, прятая за пазуху деньги, один из мошенников, сидевший возле банка, поравнявшись с намеченной жертвой, следует с нею почти рядом; товарищ его, идя в нескольких шагах впереди ее и, двигаясь в одном направлении с женщиной, незаметно роняет кошелек, в котором находятся пробки, пломбы, пуговицы и др. Женщина, заметив кошелек, подымает и прячет за пазуху; в это время идущий с нею рядом аферист заявляет ей, что «пополам». Через несколько минут возвращается обратно уронивший кошелек и, подойдя к женщине, спрашивает ее, не подняла ли она кошелек с деньгами; аферист, сказавший «пополам», жестом показывает дать отрицательный ответ, что она и заявляет. Тогда утерявший кошелек обыскивает женщину и, найдя у нее свой кошелек и деньги ее, вытаскивает из-за пазухи, а затем якобы оставляет у себя только свой кошелек, вкладывает ей ее деньги в пазуху, но в действительности он ей оставляет свой кошелек и, взяв ее деньги себе, скрывается; товарищ же помогает обыскивать жертву. В Одессе подкидчиками считаются Клубис, Сидоренко, Томаш и др. В Харькове подкидчик называется «бугайщиком»; потерпевший, когда его накрывают аферисты, кричит как бугай, а поэтому и говорят, что деньги взяты «на бугая», «на подкидку».

Есть еще один способ мошенничества, основанный на ловкости рук: обмен мелкой серебряной монеты на кредитки. Мошенник этот называется «клопарем». Он, стоя на улице, предлагает кому-либо мелочь обменять на бумажки, говоря, что у него много мелкого серебра и, когда найдется желающий, то он так ловко отсчитывает по двугривенному в руку меняльщика, бросая их со звоном и считая пять таких монет на рубль, что меняльщик не замечает, что вместо 5 монет у него только 4; пятую монету «клопарь» оставляет между пальцами.

Эти мошенники, имея у себя рублей 300 сторублевыми кредитками, заходят в большой магазин и просят разменять на золото 5-ти-рублевого достоинства. Получив 3 стопки по 100 рублей, аферист выходит из магазина и немедленно возвращается обратно в тот же магазин, прося обменять те же самые 300 руб. на <золото> 10-ти-рублевого достоинства. Кассир, видя обложку своих денег, оставляет у себя 3 стопки, вручает просителю одну стопку в 300 руб. Большие магазины, получая деньги из банка, который выдает золотую монету в зеленых или синих обложках и на коих печатаются 100 руб. или 300 руб., сохраняют эти деньги стопками, расходуя по мере надобности. «Клопарь», приготовив стопку из гривенников и получив три стопки по 100 руб. золотом, наскоро одну такую стопку разворачивает и в ту же обертку помещает гривенники, делая стопку одинакового размера со стопкою с действительными золотыми 5-ти-рублевого достоинства монетами в 100 рублей и таковую вручает с остальными двумя стопками в 200 руб., прося обменять на монеты десятирублевого достоинства. Обнаруживается проделка мошенника при вечерней проверке кассы. В магазине Пташникова было совершено такого рода мошенничество и кассир, осмотрев-

ший фотографические карточки в сыском отделении, опознал одного афериста, который, будучи мною задержан, сознался в мошенничестве, за что и был приговорен к 3-х-месячному тюремному заключению.

XI

Конокрады почти все, за редким исключением, разбойники и даже убийцы. Уезжая на преследования, они вооружаются, взяв с собою револьвер, ножи, топор и лом «хомка», некоторые имеют с собою веревочные арканы для ловли лошадей в поле. Ломик употребляется для взлома запоров и замков как конюшен, так равно замков на путях лошадей. Задержание конокрада сопряжено с большим риском для жизни; в редких случаях они сдаются без сопротивления; при преследовании отстреливаются и часто довольно удачно. Поймав конокрада, крестьяне, а в особенности немцы-колонисты, устраивают над ним самосуды, избивая до полусмерти. Немцы весьма редко выпускают конокрада живым, они его убивают и тут же закапывают в землю. Конокрад исчезает бесследно. Немец никогда не выдаст своих коллег, убивших конокрада. Вот почему в колониях, населенных немцами, почти никогда не бывает краж лошадей, и конокрады, зная о нахождении в известном месте немецкой колонии, объезжают таковую, оставляя ее в нескольких верстах от себя. Конокрады преимущественно русские, цыгане, молдаване и редко евреи, но покупщики краденого скота и лошадей исключительно евреи. Эти последние, зачастую, сообщают хорошие сведения о конокрадах и о совершенных ими преступлениях. Никакой покупатель «блатыкайн» не

купит от конокрада, не узнавши, каким путем добыто похищенное. Конокрад, продавая похищенное, указывает место похищения лошадей и все обстоятельства, сопровождавшие это хищение и, если совершено убийство, то он сознается «блатыкайну» и в этом. Сознание конокрада необходимо для покупателя для того, чтобы он не направился бы с похищенным в ту самую местность, где совершено похищение или убийство. Кроме покупателей краденого, иногда сообщают сведения о приведенных в дом краденых лошадях и жильцы того дома. Однажды я узнал, что в один двор на Косвенной ул. приведена ночью тройка лошадей и фургон. Отправившись туда, я застал известных мне блатыкайнов-конокрадов: Соколовского, Весбейна и Рехтмана. Все три переводчика осматривали лошадей, определяя цену их «на блат», т. е. как краденое. Самого конокрада мне не удалось задержать, но покупатели понесли заслуженную кару – год тюремного заключения.

В 1901 году в 10-ти верстах от г. Тирасполя в канаве обнаружен труп убитого кучера местного земского начальника. Полицейским дознанием выяснено, что кучер, выехав в шарабане, запряженном четверкою молодых кобылиц вороной масти, на вокзал за своим господином, был встречен конокрадами и убит ими, причем весь выезд был похищен. Он оценивался в 1500 рублей.

Я не знал еще об этом случае. Ко мне явился становой пристав Тираспольского уезда того района, где <было> совершено убийство кучера и ограбление; рассказав все детали этого происшествия, просил меня оказать содействие в розыске убийц и всего похищенного, при этом предложил свои услуги в помощь, говоря, что им установлено фактически, что убийцы направились к стороне Одессы.

«За предложение помочь мне приношу вам искреннюю благодарность, но принципиально я избегаю в таких серьезных розысках, как убийство с целью грабежа, несомненно совершенное конокрадами, в содействии уездной полиции. Ваше нахождение в городе может только помешать успеху розыска: товарищи злоумышленников не замедлят сообщить им о вашем присутствии в нашем городе и тем выяснится, что направление убийц установлено. Поезжайте домой и ждите утешительного результата; на месте разыщите свидетелей, видевших в лицо убийц во время следования их в шарабане земского начальника», сказал я становому.

После отъезда станового я немедленно отправился к одному коноводу, изредка сообщавшему мне некоторые сведения о своих товарищах, просил его содействия: понюхать между «блатными» (порочного поведения), кто бы мог совершить убийство кучера возле г. Тирасполя и кому сбыты четыре вороных кобылицы; при этом, в виде задатка за услугу, вручил ему красный билет (10 руб.), обещая в случае успеха еще 40 руб.

Заручившись обещанием и не ограничиваясь им, я поехал к одному еврею-«блатыкайну» и, рассказав ему про случай убийства и описав приметы ограбленного шарабана и лошадей, просил во чтобы ни стало разузнать виновников этого преступления и сообщить местонахождение их.

«Хотя вам, В-В-Б-ие, не следовало бы говорить, помня те 3 1/2 года арестантских рот, которые вы мне подарили и за тот черствый кусок черного хлеба, которым питалась моя семья, но зная вас все-таки за доброго человека и надеясь, что кроме Бога и нас двух никто не будет знать, скажу вам: лошади, четыре молоденьких кобылички, у цыгана Сережки в г. Нико-

лаеве. Вчера ко мне заходил один парень, фамилию его не знаю, но прозывают его “Марком Скороходом”; предлагал он мне купить эти кобылки, они стояли на Пересыпи в заезжем дворе; я был там и видел шарабан и лошадок, они породистые, кровные и страшно были загнаны. Там я видел сожительницу Марка и еще какого-то парня, похожего на цыгана. Запросил Марк с меня 600 руб.; я отказался от покупки, он заявил, что цыган Сережка купит у него. Где живет Сережка, я не знаю, но знаю, что в г. Николаеве», пояснил мне покупатель краденых лошадей.

Тотчас же отправился я вторично к тому же коноводу, который обещал мне содействовать в поимке преступников, и спросил его, не знает ли он коновода «Марка Скорохода» и местожительство цыгана Сережки.

«Как не знать, сожительница Марка, Танька – племянница моей жены; он, подлец, сманул честную девочку, еще дитя, и увез куда-то; никак не могли разыскать ее. Счастье его, что он не попался мне в руки, живым не выскочил бы; у меня есть и фотография Марка. Адрес Сережки я знаю и готов вам указать, лишь бы найти Марка и Таньку».

Приняв от него фотографическую карточку Марка и согласившись вместе выехать в Николаев, я отправился в сыскное отделение, дабы приготовить в дорогу хороших четырех агентов, и в тот же вечер парходом выехал в Николаев. Туда мы прибыли около 4 часов утра.

С пристани все шесть человек по указанию конокрада отправились к дому, где жил цыган Сережка. Ворота были заперты, пришлось перелезть через высокий забор; к счастью, во дворе не было собак. Указчик куда-то исчез. Не заходя в квартиру цыгана, я вначале осмотрел сарай и конюшни и в одной из ко-

нюшен обнаружил четырех вороных молодых кобылиц; здесь же невдалеке находился и шарабан.

Оставив агента возле лошадей, я с остальными подошел к двери квартиры цыгана и постучался; дверь открыл сам Сережка. Замечательно то, что цыган даже не спросил через дверь, кто стучится, а открыл ее, как будто бы знал, кому отворяет дверь. Надо знать, что блатыйкайны в редких случаях спрашивают, кто стучится; этим пользуется полиция, заставляя все врасплох.

Войдя в первую комнату, я усмотрел спящими на полу двух мужчин и молодую девушку. Не разбудив их, я произвел осмотр их одежды, причем нашел у каждого по револьверу и финскому ножу. Под подушкой нашел по кошельку с несколькими рублями. Я разбудил спавших и спросил, откуда они прибыли. Один из них, оказавшийся впоследствии Марком Яковенко, ответил, что приехал из Херсона, где имеет собственную землю и дом. На мой вопрос, кому принадлежат шарабан и 4 лошадки, Яковенко заявил, что его собственные и куплены им вчера у неизвестного человека за 600 руб., и что весь выезд он предполагает продать цыгану, заработав лишь 50 руб. Сам же занимается барышничеством на конных рынках. Одновременно с задержанием Яковенко, его сожительницы и товарища, была запряжена в шарабан четверка кобылиц, и я вместе с арестованными поехал к пристани с целью выезда в Одессу. На пароходе, во время пути, мои агенты беседовали с задержанными, желая добиться сознания; о случае убийства кучера им приказано <было> не говорить ни слова. В Одессе никто из задержанных не желал сознаться в убийстве, несмотря на то, что я проводил с каждым обвиняемым по несколько часов.

Ввиду упорства арестованных, я опять отправился к тому еврею, который сообщил о них сведения, и просил его сказать мне, не рассказывал ли обвиняемый подробности убийства.

«Нет, не говорил ничего, только сказал, что сожительница была переодета мужчиною», заявил мне еврей.

Этого обстоятельства мне было совершенно достаточно, чтобы добиться признания одной хотя Таньки. Когда я вызвал Таньку для допроса и, сказав ей о том, что Яковенко сознался в убийстве кучера, указав, что она была одета мужчиною, обвиняемая, после некоторой паузы, рассказала подробно, при каких обстоятельствах совершено было убийство:

«Шли мы втроем из Тирасполя в Одессу; пройдя верст восемь, нас нагнал порожный шарабан. Товарищ Марка – Максим попросил кучера подвезти нас. Кучер согласился; мы заняли места сзади кучера, где вообще садятся господа; не проехав и версты, как Максим, имевший при себе револьвер, нанес удар по затылку кучеру, от которого последний свалился с козел в левую сторону экипажа. Марк, сняв с себя ремень и затянув им шею кучера, стащил его при помощи Максима с шарабана и бросил в канаву. Я сильно испугалась. Марк, взяв вожжи, погнал лошадей. Я действительно была переодета в костюм Марка».

Остальным обвиняемым не оставалось ничего более, как повиниться в преступлении. Задержанный Максим оказался старым конокрадом, фамилия его Григорьев. Все обвиняемые приговорены на 12 лет к каторжным работам. Потерпевший, земский начальник, получил обратно все похищенное.

ХП

Подделыватели печатей и фальшивых паспортов («ксива») и сбытчики их. Беглые из разных мест заключений и ссылок, а также такие преступники, которые разыскиваются судом или полицией, беглые солдаты-дезертиры, уклонившиеся от исполнения воинской повинности и вообще лица, лишенные прав, желая скрыть свое прошлое, приобретают подложный документ, назвавшись вымышленной фамилией. Будучи задерживаемы за преступление, они судятся как за первое совершенное преступное деяние и тем скрывают свои старые грешки. Если личность задержанного покажется полиции сомнительной, то она проверяет его документ, высылая фотографическую карточку задержанного вместе с паспортом в места приписок и тогда только устанавливается подложность документа.

Однажды мне попался в руки билет, выданный Ольвиопольским мещанским старостою на имя Файнштейна, явленный из дома Родоконаки. Осмотрев этот документ, я по характеру почерка пришел к заключению, что подписи писаря и старосты написаны одною рукою, только подпись старосты искаженным почерком. Взяв этот документ, я отправился в квартиру Файнштейна, жившего в нижнем этаже. Придя к нему, я спросил находившегося там еврея, могу ли я видеть г. Файнштейна.

«Это я, что вам угодно?» отвечает еврей.

«Как, вы Файнштейн? Я ведь знаю вас более 10-ти лет за г. Гольдфайна», возразил я ему. Он предполагал, что, не видя его лет 7, я его не узнал. Гольдфайн отпустил бороду, тогда как ранее никогда ее не носил.

«Расскажите мне, при каких обстоятельствах вами приобретен подложный документ и кто его написал; я, с своей стороны, постараюсь поддержать вас и все меры приму к тому, чтобы вы понесли ничтожное наказание по суду за проживание по чужому виду (977 ст. ул.), не свыше 3-4 дней ареста», сказал я Гольдфайну.

«Отлично! дайте мне слово, что вы выгородите меня и я устрою так, что тот самый писец, который мне написал документ, напишет и вам».

Гольдфайна я пригласил с собою, чтобы переодеться и взять одного молодца-городового и затем приступить к сеансу.

Я и городской Ладыженский переоделись крестьянами и отправились с Гольдфайном в его квартиру, последний послал жену свою за писателем, а мы в это время стали обсуждать план наших действий.

Около 11 часов утра в квартиру Гольдфайна появляется еврей, которого хозяин квартиры знакомит с нами. Еврей спрашивает меня, чем он может быть полезным. В ответ на это я, указывая на Ладыженского, говорю ему, что мы товарищи, приехали в г. Одессу из Нерчинска, куда были сосланы в каторжные работы за святотатство и оттуда бежали, не имея никакого письменного вида; мы, будучи знакомы с Файнштейном, просили его указать нам такого человека, который мог бы снабдить нас фальшивым документом.

«Хорошо! документы будут такие, что можете смело заявить их в полицию, как г. Файнштейн; за каждый документ придется вам уплатить по 25 рублей».

«Это немного дорого для нас, мы за два документа согласны дать вам 25 руб.».

Долго раздумывал еврей; наконец, согласился написать за 30 руб. Затем, обращаясь к жене хозяина,

просил ее съездить в казначейство и купить два гербовых листа бумаги по 60 коп. лист.

«Теперь я схожу за печатью, которая у меня хранится за большим вокзалом, на Лагерной улице, а вы, г. Файнштейн, приготовьте закусочку и немного крепкой водки», сказал еврей и вышел из квартиры.

Наскоро переменившись с Ладыженским пальто, я выскочил через окно на улицу и издали стал следить за евреем. Оказывается, что он пошел в совершенно противоположную от большого вокзала сторону, направляясь к Екатерининской улице; по пути несколько раз останавливался и оглядывался; вошел он в дом № 100 по Екатерининской ул. в квартиру, помещающуюся против ворот.

Убедившись в месте нахождения печати, я, сев на извозчика, подъехал к квартире Гольдфайна, где вновь обменялся с Ладыженским пальто. Пришлось ожидать писателя более часа; наконец, является он и извиняется за задержку, говоря, что пришлось идти к большому вокзалу пешком (суббота, еврейским законом воспрещается езда).

«Прежде чем приступить к работе, нужно подкрепиться», сказал еврей, наливая большую рюмку водки и выпив ее.

Гербовая бумага лежала уже на столе. Закусив и выпив еще две рюмки водки, еврей начал писать.

Я лично никаких спиртных напитков никогда не употреблял; это я считаю небольшим недостатком сыскного агента, но я свою рюмку незаметно подставлял Ладыженскому, который выручал меня в этом отношении.

Еврей, обращаясь ко мне, спрашивает, кому первому начать писать документ; я ответил, что для меня безразлично: «Пишите товарищу».

В виде предисловия, еврей знакомит нас с г. Овидиополем, разъясняя, какой губернии и уезда этот город и какой уезд в соседстве с ним. Спросив Ладыженского, на чье имя желает он иметь паспорт и сколько ему лет, приступает к делу.

Ладыженский просил написать документ на имя, якобы, его товарища, кр. Киевск. губ. Филиппа Ладыженского, назвав свою настоящую фамилию и имя.

Еврей делает надпись «Билет» и засим выполняет весь текст годового паспорта, наверху паспорта делает надпись, что «за неимением паспортного бланка, билет пишется на гербовой бумаге». Окончив текст, год и число выдачи билета, еврей, взяв перо в левую руку, подписывает фамилию старосты, говоря, что старосты малограмотны, а затем правою рукою делает подпись писаря.

Вынув из кармана жестяную коробку, где помещалась печать, он заявляет, что перед таким тяжелым делом, как приложение казенной печати, нужно выпить и тут же, выпивая рюмку водки, прикладывает печать и вручает билет Ладыженскому с пожеланием наилучшего.

Для меня было совершенно достаточно одного подложного паспорта и поддельной печати Ольвиопольскаго мещанского старосты и, открыв писателю, кто я, потребовал назвать его фамилию и указать квартиру, где хранилась печать, отобранная у него.

Еврей, в страшном испуге, назвалс я Гатовым и заявил, что печать была закопана в земле, возле б. вокзала.

«Нет, друг мой! я перехитрил вас, поедем со мною и я вам укажу, где хранилась печать», заявил я Гатову.

Приехав к дому под № 100 по Екатерининской ул., я вошел с Гатовым и Ладыженским в ту самую квартиру, куда заходил час тому назад Гатов. Квартира эта

оказалась известного уже мне за сбытчика фальшивых паспортов Дувида Латмана, кличка коего «Дувид мещан». Квартирохозяин, старик лет 60, лежал на кровати больной, жена его находилась возле колыбели их внука. Пригласив двух понятых, приступил я к обыску. При личном осмотре жены Латмана, в чулке я нашел два вытравленных паспортных бланка, а в колыбели под грудным ребенком три новых паспортных бланка, причем на одном была печать Виленского мещанского старосты, на другом Конвалишского мещанского старосты и на третьем Ольвиопольского мещанского старосты. Дальнейшим обыском ничего более не найдено, но я был убежден, что тут же в квартире должны быть и те печати, которые оказались на бланках. Заметив щель в полу, я рискнул вырубить доску пола, но безрезультатно. Искать было негде, все уголки обшарил. Остались неосмотренными только одни цветы, находившиеся на окнах. Появилась мысль, не поискать ли в вазонах? Решил утвердительно, подхожу к первому вазону, беру его в руки и осматриваю землю; в это время жена Латмана возвышенным голосом заявляет претензию за порчу цветов, угрожая жаловаться моему начальству. Подобное возражение меня взволновало и я вытащил цветок с корнем, но ничего там не нашел; проделывая ту же комбинацию и с другим цветком, я обнаружил под землею две мраморные, небольшие плитки: на одной была выгравирована печать Виленской мещанской управы, а на другой Конвалишской мещанской управы. При дальнейшем осмотре остальных цветков, я обнаружил еще печать Одесской Городской Управы и две мраморные плитки с изображением только окружностей, очевидно, приготовленных для печатей. Г.г. Латман и Гатов в продолжении 3 ½ лет были хозяевами арестантских рот.

ХІІІ

Проницательность, находчивость, смелость и быстрая сообразительность, как я раньше сказал, дают возможность успешно произвести розыск.

Проходя вечером по одной из глухих улиц в Одессе, а именно по Средней, я на ливаде в стороне от дороги, заметив два папиросных огонька, быстро направился к ним, забыв даже, что вооружение мое состояло из небольшой только шашки. Найдя там двух мужчин, я схватил их за воротники с целью ареста, но один, бывший в левой руке, успел вырваться, а второй, ударив меня чем-то твердым по руке, также вырвался, оставив у меня часть рубахи, жилета и пиджака.

Поведение этих двух субъектов меня страшно возмутило и я решил во что бы ни стало преследовать их. Погнавшись за ними по рвам, канавам и балкам, я потерял их след; попавшаяся мне навстречу женщина указала направление двух бежавших, говоря, что они побежали к стороне Бугаевки. Я ускорил свой путь и по дороге, найдя городского, узнал дальнейшее следование. Городовой доложил мне, что он хотел задержать бежавших людей, но они ему заявили, что гонятся за извозчиком, увезшим их вещи. С городовым я побежал вдогонку, заглядывая по пути в пивные и рестораны. Будучи сильно утомленным и придя к заключению о потере следа, я в конце улицы присел отдохнуть, в то же время сделал выговор городовому за несообразительность по отношению бежавших двух лиц. Рассказывая городовому инцидент с теми субъектами, я услышал вблизи себя мужской смех и разговор; в 50-ти шагах от себя я заметил си-

девших на траве спинами ко мне двух мужчин. Указав жестом городовому, я с ним осторожно стал приближаться и когда был в 15-и шагах от них, то они, заметив нас, бросились бежать в разные стороны. Я погнался за одним, а городской за другим. Мой клиент бежал не хуже зайца, был легко одет и босой; когда я нагонял его, он моментально останавливался, приседая; я же пробежал мимо, успевая нанести ему удар шашкою; таких ударов пришлось нанести три. В момент третьей его остановки, он произвел выстрел из револьвера, пуля пролетела мимо, затем выстрелил во второй раз и тоже промахнулся; наконец, он два раза щелкнул курком, очевидно, были осечки. Я оказался невредим.

Преступник, видя свое бессилие и потеряв надежду на револьвер, решил испытать свою силу и бросился на меня; схватив меня подсилки за пояс, старался свалить меня на землю. К его прискорбию, я оказался гораздо сильнее его и, будучи с малолетства хорошим борцом (как воспитанник кадетского корпуса и бывший офицер), я сразу свалил его на землю, наступив коленом на горло. На выстрелы успели подойти какие-то два господина, которые помогли мне связать преступника. При обыске у него я обнаружил часть церковного ручного креста и револьвер с двумя выпущенными пулями и тремя осечками. Записав свидетелей и пригласив их на другой день в участок, я, взяв арестованного, дошел до первого извозчика и поехал в участок.

Городовой, погнавшийся за другим преступником, доложил мне, что тот успел скрыться в саду сахарного завода, перескочив туда через забор. Задержанный назвался бродягою Гонтаренко.

Дня через три после задержания Гонтаренко, я получил сведение, что в квартиру одного домовладель-

ца Картомышевской ул. заходит какой-то мужчина, который поздно ночью куда-то уходит, и что этот мужчина днем, очевидно, боится показаться на улице.

Взяв с собою городского Бондаря, отличающегося силою и сообразительностью, отправился по указанному адресу. Придя в квартиру домовладельца, я застал незнакомого мне мужчину, показавшегося мне за отчаянного разбойника. Он смотрел на меня исподлобья и вызывающе. В кармане у него я обнаружил также часть церковного креста, долото, три отмычки, щипцы и огарок свечи. Назвался он Порохнявкой. В участке, при сличении частей креста, составилась целый крест. Крест этот в числе других вещей был ограблен из церкви Тираспольского уезда. Гонтаренко до суда успел бежать из-под стражи; Порохнявка приговорен к 10-тилетней каторге, он был уличен церковными сторожами.

XIV

Производя розыск преступников и посещая всевозможные воровские притоны и вообще подозрительные места, я часто посещал и низкопробные рестораны. Придя в один из таких ресторанов и став в дверях, я осмотрел всех присутствующих с целью уловить какой-либо жест или прием посетителя. Публики было человек до 50-ти, сидели они за столами, заставленными бутылками с напитками и вели оживленный разговор; здесь под столом валялся пьяный, в другом углу, опершись на стол, спал также какой-то мужчина, в конце комнаты за столом сидели два человека, прилично одетые. При моем появлении в ресторан, я заметил, как один дру-

гого толкнул локтем и что-то вполголоса сказал; мне послышалось, что он произнес мою фамилию. Обоих мужчин я совершенно не знал и видел впервые, но они мне показались подозрительными и я решил их арестовать. Подойдя прямо к их столу, не боясь такой массы подвыпившего народа, я рискнул их обыскать. Кто-то из посетителей оказался благоразумным человеком и сообщил городовому о моем нахождении в ресторане; городской явился ко мне, я ему приказал обыскать одного, а сам принялся обыскивать другого. Кроме ножей и денег, ничего подозрительного <я> не нашел.

«В чем дело? За что вы нас обыскиваете, мы не воры, а честные ремесленники, сидим в ресторане чинно, никого не трогая и не совершая бесчинств», заявляет первый.

«Не зная вас лично, я желаю узнать, кто вы и какие у вас виды на жительство, а поэтому приглашаю вас следовать со мною».

«Извольте мой документ, я потомственный дворянин Иван Добровольский, за лишение меня свободы будете отвечать перед судом, ибо я так не оставляю», говорит все тот же.

Прекратив разговор и взяв на свои дрожки Добровольского, приказал городовому доставить другого; я поехал в участок, где осмотрел документы задержанных. Добровольский, кроме бессрочной паспортной книжки, предъявил дворянское свидетельство и свидетельство об исполнении воинской повинности. Другой назвался крестьянином Николаем Веселкиным и предъявил годичный паспорт. Несмотря на такие документы, удостоверяющие самоличность задержанных, я, всмотревшись в Добровольского, вынес впечатление, как об опасном воре, а потому рискнул их арестовать, забыв даже угрозы Добровольского.

Личности задержанных меня крайне заинтересовали, а поэтому я решился узнать, кто они есть в действительности.

В день задержания их я отправился бродить по разным притонам с целью узнать если не фамилию, то хотя <бы> судимость арестованных. Около часу ночи встретил меня один воришка и говорит, что с меня следует на чаек, а когда я спросил, за что, то он, улыбнувшись, сказал, что за беглого из каторги.

«Какого беглого?»

«Того самого дворянина, которого вы арестовали в ресторане позавчера».

«Разве он беглый каторжник? Как же его фамилия и за что он был сослан?»

«Фамилии его не знаю, но говорят наши товарищи, что вы арестовали каторжника Максима; за что он был сослан, не могу сказать, ибо я лично с ним не был знаком; говорят, что фамилию его знает Левка, который содержит труппу».

По документу значится Добровольского имя Иван. Отправляюсь я к Левке и спрашиваю его, не знает ли он каторжника Максима и за что он судился. Левка ответил мне, что Максим судился за убийство Авидона, фамилии его не знает, но лично был с ним знаком.

Придя в участок и вызвав Добровольского, я сообщил ему, что я узнал, кто он, что его зовут Максимом, а не Иваном, и что он был осужден в каторжные работы.

В ответ на это Добровольский заявил мне, что много таких найдется личностей, которые готовы сказать, что он даже убийца, так как я уже сообщил, что он беглый каторжник, и просил освободить его немедленно или же пригласить в участок прокурора для заявки на меня жалобы.

Добровольского я осмотрел с ног до головы, в особенности я обратил внимание на голову с целью найти признак бритой половины, а также на теле татуировку. На груди у него были инициалы М. Г. и рисунок ангела. Относительно букв он заявил, что это инициалы бывшей его невесты.

Ночью поместив в арестантскую камеру, где находились Добровольский и Веселкин, двух своих людей, <я> приказал им следить за Добровольским.

В час ночи я вошел тихонько в эту камеру и громко крикнул: «Максим!»

В ответ на это Добровольский совершенно машинально ответил: «Что?».

«Так это вы Максим, г. Добровольский», обратился я к нему.

«Нет, я не Максим, а Иван», грубо ответил он мне.

Упорство и нахальство Добровольского вынудили меня отправиться к судебному следователю 4 уч., производившему следствие об убийстве Авидона, и просить его сообщить мне имена и фамилии подсудимых, привлеченных к делу об убийстве Авидона.

«Кого вам нужно из обвиняемых по этому делу», спросил меня следователь.

«Я задержал одного человека, назвавшегося дворянином Иваном Добровольским, а мне сообщили, что настоящее его имя Максим, сосланный в каторгу за убийство Авидона на Средней ул.».

«Максим! это будет Грабовецкий, вот его фотографическая карточка, снятая после приговора суда, можете вы ею воспользоваться».

Карточка была очень похожа на задержанного. Поблагодарив следователя за любезность, я поехал в участок, где приказал вызвать Добровольского.

«Здравствуйте, г-н Добровольский, он же Максим Грабовецкий, убивший Авидона, здравствуйте! знакома вам эта карточка?»

«Да, я Грабовецкий, на карточке изображен тоже я, пишете протокол. Недолго пришлось погулять на свободе, надо идти на старую квартиру, на Сахалин. Сколько труда и здоровья стоило, пока добрался до своего города: одного товарища сожрали и много, много горя перенесли».

Веселкин также сознался, что он есть Григорий Толстогопанов – беглый из Сибири.

Грабовецкий присужден к 40 ударам плетью и водворению бессрочно на Сахалин. Толстогопанов – на год в тюрьму с возвращением в ссылку.

XV

Разговор мой с Максимом Грабовецким о понесенном им горе во время бегства с Сахалина, а в особенности о том, что они сожрали товарища, меня заинтересовал и, несмотря что время было идти обедать, я решил остаться в участке и тут же пообедать. Послав человека в ресторан за двумя обедами, я просил Грабовецкого рассказать мне все то, что он испытал во время бегства, ибо я никак не мог допустить мысли, что возможен побег с острова Сахалина. Обеды принесены: один из них я отдал Грабовецкому, порезав ему лично говядину, жаркое и, дав ему только одну ложку, предложил пообедать. Часовой-городовой стоял возле Грабовецкого безотлучно. Я также принялся обедать. Кончив обед, Грабовецкий перекрестился и поблагодарил меня за угощение.

Он начал свой рассказ с того, как более 800 человек каторжников, в числе коих был и он, было отправлено из Одессы на пароходе «Кострома». Путешествовали морями около 2-х месяцев. По пути от солнечного удара умерло 4 товарища, которые похоронены в море. «На Сахалине с нас сняли кандалы и мы были на свободе. Многие живут со своими семьями, имея собственные свои дома и участки земли.

Бежать с острова можно только зимою и то не во всякую зиму, а только когда замерзает пролив. Нас 12 человек каторжников сговорились бежать. Портового часового ночью мы убили и, взяв ружье и одежду его, отправились по льду к стороне материка. Провизией запаслись на трое суток. Одежда наша была легкая: казенный арестантский тулуп, суконные куртка и брюки и валенки. Мороз доходил до 45°, дыхание захватывало. Пробежим бывало версты 3-4, согреемся немного и опять скорым шагом. Насилу доплелись до материка. Местности никто из нас не знает, идем на произвол судьбы. Начались непроходимые леса – тайга. На четвертый день потеряли одного товарища, умершего от холода. Осталось нас 11 человек. По пути ни одного селения и ни одной живой души, лес бесконечный, провизия вся истощилась и нет возможности выбраться на дорогу. Остановились мы и стали рассуждать, что нам делать и как поступить; некоторые советовали возвратиться обратно на Сахалин, а другие решили продолжать путь дальше, говоря, что на возвращении обратно так же придется голодать, как и сейчас. Так как все мы двое суток ничего не ели и сильно истощились, то решили принести одного из наших товарищей в жертву, указав на одного, как по мнению большинства, он, по своей слабости, не сможет дотащиться до ближайшего селения и перенести такого жестокого путешествия. Смертный приговор привели

в исполнение: ударом ножа в сердце свалился несчастный наш коллега. Очистив от снега местечко (с нами были два топора и лопата) и разложив сучья деревьев, подожгли их. Мне предложили очистить покойника (распотрошить его), но, откровенно говоря, я не мог этого исполнить: либо из жалости к товарищу, либо из брезгливости. Операцию над ним произвел другой, который был сослан в каторгу за убийство целой семьи – шести душ. Воды у нас не было, пришлось пользоваться снегом. Сжарили друга, как хорошего поросенка и, вернее сказать, как шашлык и, подкрепившись им, отправились дальше в дорогу. Еды у нас должно быть суток на четверо. “Все тот же проклятый бесконечный лес, когда же ему будет конец и когда мы доберемся до жилого домика?” спросил я товарищей. Наконец, вышли мы на опушку леса и, пройдя версты две, увидели огонек. Общий восторг; ускоренным шагом направляемся туда. Вблизи видны несколько избушек; заходим в ближайшую к нам. Хозяин избушки, старик, оказался очень любезным, предложил поужинать и переночевать. Мы хорошо обогрелись и плотно поели. Старик оказался сосланным поселенцем и сочувствовал нам. Положились мы спать на полу; проснулись мы ночью около 4 часов на другие сутки; спали более суток, т. е. почти 30 часов. Разбудив старика, попросили его покушать; старик приготовил для нас борщ с говядиной и хлеб. После еды мы опять положились и проспали до 3-х часов дня. За целую неделю бессонных суток, мы хорошо отдохнули и пришли в себя. Никакой холод так не утомляет и не ослабевает человека, как бессонница. На следующий день решили отправиться в путь. Старик приготовил нам провизию суток на троих: сжарив теленка и двух поросят, наделил нас хлебом и указал нам направление до ближайшего селения. Остатки

жаркого от товарища мы бросили собакам. На четвертый день мы добрались до селения; там была церковь. Зашли мы в первую хатку, называемую по-сибирски фанзою и принадлежащую китайцу. Хозяин ее оказался не менее любезный, чем старик. Он нас накормил, нагрел, да еще в дорогу приделал в хорошую теплую одежду; арестантскую одежду мы оставили китайцу, он торговал в городе одеждою. Пробыв у него двое суток и запасшись провизией, мы отправились дальше по указанию китайца. Пройдя двое суток, мы заметили вдали экипаж, окруженный тремя верховыми всадниками. Здесь мы решили задержать экипаж и воспользоваться деньгами и имуществом. У нас была всего одна винтовка, отобранная у убитого нами часового. Когда экипаж приблизился на расстояние не более 40-50 шагов, мы приказали остановиться. В экипаже сидел господин. В ответ на наше требование всадники начали стрелять в нас, причем двух убили наповал и трех тяжело ранили. Я произвел из винтовки два выстрела, но неудачно, а поэтому решил бежать. Спаслось нас 5 человек, один был легко ранен в левую руку. Экипаж последовал дальше.

Оставшиеся нас 5 человек пошли в дорогу. По пути нам попадались деревушки, небольшие хутора и отдельные избы; народ все бедный, но весьма гостеприимный, всюду нас обогревали и кормили, везде сочувствуя нашему положению.

Вблизи Иркутска я встретился с Григорием Тостогановым*, которого знал еще из Одессы, он был послан на поселение в Сибирь, и, тоскуя по своей родине и семье, решил также бежать. Тостоганов присоединился к нам. До Иркутска мы шли пешком или нас подвозили на подводах. С Иркутска мы выехали же-

* Так в тексте (*Прим. ред.*).

лезною дорогою. Деньги у нас были, мы достали их под Иркутском у одного помещика, у которого оказалось 6500 рублей. Помещик ехал со своего имения в Иркутск. Мы его и кучера сбросили с экипажа, не нанося никому никакого оскорбления и насилия. Он по первому нашему требованию вручил бумажник с деньгами. Лошадей его бросили в одной версте от города. Заехали по дороге к одному мужику, предложили ему купить их, но он, зная, кому принадлежат они, отказался. Деньгами поделились по 1080 рублей, я получил 1100 рублей, как старший команды. Подложный паспорт и все документы я приобрел в Оренбурге за 16 руб. у одного еврея. Будучи хорошо грамотным, я вызубрил свой документ. Вот почему я так бойко отвечал на ваши вопросы, когда вы спрашивали меня, когда отбывал я воинскую повинность, кто городской голова, как фамилия полицеймейстера, выдавшего паспортную книжку и т. д. С товарищами я расстался в Челябинске. Пешком в сильнейший мороз прошлялся около двух месяцев, бывали дни, что по трое суток крошки хлеба во рту не было, а теперь обратно на Сахалин. Прощай, дорогая Одесса, моя родина». Грабовецкий прослезился.

XVI

П окупщики краденого и укрыватели – «блаткайны». Мне кажется, что если бы воры, грабители, убийцы и другие преступники не имели бы возможности сбыть или скрыть похищенное или награбленное, то, несомненно, число преступлений значительно уменьшилось бы. Преступник, перед совершением известного преступного деяния, должен для

себя приготовить место для скрытия похищенного или ограбленного, служащего вещественным доказательством, изобличающим его в совершении преступления. А поэтому все зло в преступном мире заключается отчасти не в тех лицах, которые совершают преступления, а в тех, которые способствуют совершению преступлений. Укрывая преступников и все ими добытое или приобретая таковое, сохраняют они так, что не представляется возможным полиции разыскать похищенное и привлечь к ответственности действительных преступников, совершивших это преступление.

Сам покупатель краденого, не принимая активного участия в самом совершении преступления, но скрывая следы его, иногда высматривает места для совершения преступления: снимает воском слепки с замков дверей и снабжает воров отмычками и другими воровскими инструментами. Некоторые покупщики ходят по дворам, именуясь старьевщиками; они высматривают квартиры, их расположение и узнают, кто живет в той квартире и нет ли таких квартир, хозяева которых на даче или в отъезде.

Покупщик краденого, «блатыкайн», весьма хитро продельывает свою операцию, в особенности тогда, когда он известен местной полиции и сыскным агентам. В таких случаях он приобретает похищенное от преступника при следующих обстоятельствах: к нему является вор или грабитель и заявляет, что у него имеются вещи, при этом рассказывает подробно, какие вещи, предлагает их купить; в то же время говорит, где он временно сохранил их, обозначая дом, номер квартиры и время, когда покупатель может прийти осмотреть их; похититель заявляет приблизительную сумму денег, за каковую он предполагает продать вещи.

Покупщик или сам отправляется в указанное место, или посылает туда своего родича, или жену, которых полиция еще не знает. Опытный покупатель, известный полиции, идя к месту, где скрыты вещи, несколько раз останавливается, засматривая якобы в окна магазинов; он смотрит, не преследует ли его кто-либо из сыщиков или полиции, при поворотах за углом оглядывается; имея по пути следования сквозной дом, проходит таковой и при выходе оглядывается, нет ли преследователя. Убедившись, что за ним нет надзора, покупатель заходит в дом, помещающийся рядом с тем домом, где ожидает его преступник, якобы для известной надобности – и затем, выйдя оттуда и осмотрев во все стороны, смело заходит в квартиру преступника. Осмотрев тщательно вещи и, взвесив принесенными с собою весами ценные вещи: серебро, золото, определяет цену, причем золотые вещи: часы, браслеты, кольца без камней, цепи и др. оцениваются по 2 руб. за золотник; серебряные вещи, как они ни были бы изящны, оцениваются в 10 рублей фунт. Драгоценные камни: бриллианты, если вор оказывается знатоком, то по приблизительному определению веса оценивает карат в 30-40 руб.; конечно, покупатель вес всегда определяет наполовину меньше. Одежда ценится весьма дешево: шуба хорьковская с хорошим бобрывым воротником, почти новая, стоящая 700-800 руб., продается не дороже 200 рублей и т. д. Бакалейный товар продается: чай, стоящий 2 руб. фунт, по 60-70 коп., так же и табак. Словом, покупатель краденого зарабатывает колоссальные деньги. Торг продолжается недолго, ибо преступник должен немедленно сбыть вещи. Согласившись в цене, покупатель приказывает вору доставить все вещи в указанную им квартиру своего родственника или компаньона по покупке и тогда только уплачивает вору условленную сумму де-

нег. Секретное место переводчика краденого называется «хавирою».

Полиция, имея сведения о краже, посещает квартиру преступника, производит обыск, но, к сожалению, безрезультатно, ибо не знает секретного места покупателя, т. е. хавиры его.

Очень часто воры прямо с кражи завозят похищенное на квартиру покупателя, а тот последний немедленно перепрятывает в другие места; иногда в том же доме имеет квартиру, в которой живут друзья покупателя, которых полиция совершенно не знает, а поэтому не посещает их квартиру. В случае же посещения полицией таких квартир и обнаружения похищенного, владелец их никогда не выдаст действительного покупателя вещей, подвергая себя уголовной ответственности по первому разу судимости. В таких случаях блатыйкайн заботится о семье задержанного, помогая ей на все время содержания под стражею.

Купленные драгоценные вещи: переводчики или ломают их, делая слитки и вынимая камни, или вывозят в другие города, где продают в магазинах. Носильные вещи также высылают в другие города или немедленно переделывают. Бакалейный товар продают по мелким лавочкам частями.

Служа в Харькове начальником сыскного отделения, я задержал знакомого по Одессе мне вора, прозываемого «Володькою-паничем». У него я задержал несколько сот золотых серег, колец и браслетов, а также около сотни разных часов и серебряных портсигаров; вещи эти он похитил в магазине золотых вещей в Красноярске и привез в Харьков для сбыта.

В г. Бердичеве у торговца готового платья я задержал массу краденых в Одессе вещей, которые продавались в магазине открыто. Купец не ожидал моего приезда в Бердичев.

В г. Одессе лучшими покупателями драгоценностей считаются: Спандель, Филер, Шелюбский, Макогон. Они успели составить из ничего хорошие состояния и некоторые из них прекратили всякую коммерцию с ворами и занялись торговлею на толчке. Много есть таких, которые покупают все без разбора, лишь бы краденое, а именно: Орлович, Фукс, Охман, Кройн, Вайнфельд и много друг.

Некоторые переводчики краденого имеют у себя в квартире секретные места, куда прячут драгоценные вещи; так, например, в буфетном шкафу устраивают потайные ящики, устраивая их под дверцами буфета или в верхней части его. Несмотря на эти секреты, мне приходилось очень много обнаруживать краденых вещей и редкий покупатель ускользнул из моих рук, не попав в тюрьму или в арестный дом.

Ломбарды также служат хорошим источником скрываются преступлений. Воры часто по совершении преступления все ими добытое сносят в ломбард, где под залог вещей получают сумму денег гораздо большую, чем от блаыкайна. Таким образом, ломбард служит для преступников местом сбыта краденых вещей и является также покупщиком краденого. К сожалению, ломбард не привлекается к ответственности за покупку краденого.

XVII

Мнимогадальщик. В делах розыска я пользовался не только агентами, состоящими на службе в сыскном отделении, но и нелегальными агентами; последние были по большей части те же воры, но на время прекратившие свою преступную дея-

тельность – или вследствие того, что им надоела тюремная жизнь и вообще замкнутость, или вследствие того, что они получали с меня хороший гонорар за указание известного преступника и им добытого, или просто питая уважение ко мне. Кроме того, у меня были такие люди, которые, занимаясь честным трудом, презирали лиц, занимающихся преступной профессией и, в случае их обнаружения, лица эти немедленно сообщали мне.

Один из таких моих приятелей сообщил мне, что на Госпитальной ул. в доме N., с парадной дверью на улицу, проживает недавно приехавший в Одессу молодой человек – еврей, выдающий себя за гадалщика и хиромантика. Еврей этот поселился с отцом и ходатайствует о заграничном паспорте. На пальце у него видел кольцо с большим бриллиантом.

Дав одной женщине рубль и указав ей квартиру гадалщика, поручил отправиться к нему и осмотреть как квартиру и обстановку, так равно обратить особенное внимание на более ценные предметы, находящиеся у него в комнатах.

Женщина эта, оказывавшая мне часто услугу в делах розыска, возвратившись ко мне и описав приметы гадалщика, рассказала расположение комнат его, обстановку и заявила, что гадалщик был при дорогих часах и двух бриллиантовых кольцах; одно кольцо с большим камнем, стоящее до 500 рублей.

Будучи заgrimирован, я пошел в квартиру гадалщика и просил его погадать мне.

«Я гадаю на картах, но как хиромантик гадаю на руке, отгадывая прошлое и будущее, за что получаю немедленно один руб.», сказал он мне, взяв мою правую руку.

«Согласен, пожалуйста, скажите мне мое прошлое», просил я его, положив на стол рубль.

Смотря мне на руку, говорил он безостановочно, конечно, ничего правды; врал без запинки.

«Не можете ли вы по моей руке узнать свою судьбу», сказал я, иронически улыбнувшись.

«Что это за предложение? Кто вы?»

«Я тот полицейский чиновник, который вас лет около 9-10 <назад> арестовал, и пришел к вам про-извести обыск».

«Позвольте, что послужило основанием к производству у меня обыска? Вам нечего беспокоиться, я сам покажу вам все, что имею, ведь вы меня знаете, кто я! Тягай!»

«Потому, что я вас знаю, что вы Тягай, я и хочу вас обыскать», возразил я.

Тягай из-под подушки вынул бумажник, в котором было более 15000 рублей, заявил, что эти деньги собственные, нажитые гаданьем, и что у него имеется много ценных вещей: золота и серебра.

Когда я заявил, что должен пригласить понятых для присутствия при обыске, то Тягай, умоляя меня не позорить его, предложил мне все 15 тысяч рублей, говоря, что он немедленно выезжает из России за границу. Подойдя к выходным дверям, я пригласил понятых, ожидавших моего возвращения.

Произведенным обыском у Тягая найдено драгоценных вещей на сумму более 4000 руб.: целые серебряные сервизы сохранялись в шкафу; колец, брошек, серег было по несколько штук, все украшенные бриллиантами; на руке у Тягая были два бриллиантовых кольца, стоящих не менее 700 руб. Денег, кроме 15 тысяч еще оказалось несколько сот рублей. В кожаном поясе его отца я обнаружил государственную ренту в 1000 рублей.

Сына Владимира Тягая и его отца Давида я арестовал и все найденное у них доставил в сыскное отделение.

О способе приобретения денег В. Тягай давал весьма разноречивые показания и в конце концов заявил, что якобы 20000 руб. ему подарила одна генеральша вдова Г-ва, живущая в г. Киеве, с которой он вступил в интимную связь и на которой он предполагал жениться.

Разысканная в г. Киеве вдова д. с. с. Грам-ва, заявив о похищении Тягаем 20 тыс. руб., представила картину похищения в других красках. Государственная рента в 1000 руб. находилась в запертом ящике письменного стола, который был открыт Тягаем в отсутствии потерпевшей.

Наличные деньги, более 16 тыс. руб. и вещи, отобранные у Тягая, возвращены генеральше, а В. Тягай, как признанный окружным судом виновным в похищении, приговорен на 2 1/2 года в арестантские отделения. Старик судом оправдан.

Этот пример похищения фактически устанавливает, что некоторые преступники для совершения преступления показываются купцами, помещиками, гадальщиками и т. п.

XVIII

Шайка травителей. В г. Харькове во второй половине 1902 года в продолжение 3-4 месяцев, в местности, называемой «Уралом», было найдено разновременно 5 трупов крестьян, личности которых не были обнаружены. Причина смерти их также не выяснена. Врачи, вскрывавшие

трупы, дали заключения, что смерть последовала у некоторых от паралича сердца или от болезни легких. Наружных признаков насилия на теле не было обнаружено.

Такое частое нахождение трупов одного класса общества – крестьян – и в одной местности возбудило во мне подозрение и я пришел к заключению, что крестьяне, трупы коих найдены на «Урале», умерли не естественной, а насильственной смертью. Предположение мое вскоре оправдалось и, благодаря этому обстоятельству, мне удалось задержать целую шайку травителей.

В Александровскую городскую больницу в бессознательном состоянии был доставлен неизвестного звания человек, по виду крестьянин, с признаками отравления.

Больному было сделано промывание желудка и вообще оказана медицинская помощь – настолько, что он пришел в себя и смог сообщить о себе некоторые сведения.

Получив сообщение из больницы, я, не поручая своему околоточному надзирателю, сам отправился туда с целью выяснить причину отравления. Больной, назвавшись крестьянином Харьковской губернии, рассказал следующее:

«Сегодня ночью я приехал в Харьков на своей повозке, запряженной парюю волов; привез в город воз капусты для продажи и поместился на конном базаре, где съезжаются крестьяне с овощью.

Покупателей подходило очень много, но предлагали такую цену, которая была для меня убыточной; наконец, к возу моему подходит какая-то женщина с мальчишкой лет 18-19. Осмотрев капусту, она спросила о цене; я ей сказал ту самую, какую говорил прочим покупателям. Женщина предложила мне цену на

70 коп. дешевле на целый воз капусты, а затем прибавила еще 30 к. Цена оказалась для меня подходящей и я согласился везти капусту к ней на квартиру. Покупательница заявила, что живет в конце Москалевской улицы.

По дороге к нам присоединился еще какой-то мужчина лет 40 от роду. Мужчина этот и женщина сели на мой воз, мальчик шел рядом с нами.

На Москалевской улице старший мужчина предложил выпить по сотке водки; мы проезжали возле казенной лавки, где и остановились. Мужчина, купив две сотки, предложил мне выпить. Я согласился и осушил одну сотку, мужчина выпил другую. Затем сели все на воз мой и поехали дальше. Спустя несколько минут я почувствовал тошноту, боль в желудке и головокружение, стало клонить меня ко сну и я тотчас заснул. Каким образом я очутился в больнице и где мои волаы, воз и капуста, я не знаю; что было со мною, положительно не помню.

Как мужчину, так женщину и мальчика я хорошо заметил», заявил мне больной крестьянин, описав приметы подозреваемых.

Придя в участок и собрав всех агентов, я им рассказал о случае отравления водкою крестьянина и приказал в эту же ночь задержать всех конокрадов и даже их жен, указав агентам, кого именно арестовать. Я был убежден, что это дело только рук конокрадов. В то же время предъявил пострадавшему крестьянину фотографические карточки конокрадов, но он никого не опознал.

На другой день утром, придя в участок, я узнал, что ночью арестовано агентами 12 душ, из коих было четыре женщины.

Всех женщин я отправил в больницу, где лично предъявил их потерпевшему крестьянину, предложив ему осмотреть их.

Не успел я окончить свое предложение крестьянину, как он, будучи возбужден, возвышенным голосом указал на одну из задержанных женщин, говоря, что она купила у него капусту.

Освободив остальных женщин, я с признанной потерпевшим женщиной пошел в участок, где произвел допрос ее.

Она оказалась сожительницей известного конокрада Шамарина, который также был задержан ночью и содержался под стражею у меня в участке.

Представив ей все доводы, уличающие ее в участии отравления крестьянина и сказав, что сожитель ее уже сознался в преступлении, предложил ей рассказать всю правду.

Долго она находилась в нерешительности и наконец, собравшись с силами и желая выгородить своего сожителя, сказала: «Шамарин угостил крестьянина отравленной водкою, но ее приготовил товарищ мальчика Егора Дракина, некий Бочаров, последний отравил уже трех крестьян. Две недели тому назад в Богодухове Бочаров продал за 40 рублей пару лошадей, ограбленных у отравленного им человека, привезшего для продажи картофель. Дракин торговал со мною капусту».

Фотографическая карточка Шамарина у меня была, я ее в числе других показывал больному крестьянину, который по карточке не опознал его.

Перед допросом Шамарина я предъявил его потерпевшему, который признал в нем того старшего мужчину, который угостил его соткою водки.

Шамарин, сознавшись в отравлении крестьянина, заявил, что волы и телегу продал за 50 рублей в де-

ревне Ошмяны, Харьковской губ., и что отраву приготавливал Бочаров; отраву состояла из хлоралгидрата, покупаемого Бочаровым в аптекарской лавке на Москалев. ул., на сотку водки всыпал он на 50 к. этого порошка.

Приказав задержать Дракина и Бочарова и освободив задержанных конокрадов, я с агентом выехал в деревню Ошмяны, где Шамарин продал мужику волов и телегу. Разыскав того мужика, волов я уже не нашел, ибо он успел уже их перепродать; оказалась у него лишь только одна телега и то в разобранном виде, спрятанная под стогом сена.

Задержанным оказался только один Дракин, Бочаров отсутствовал из Харькова.

Дракин подробно рассказал, как производилась травля людей. «Хлоралгидрат покупала сожительница Шамарина. Последний в сотку водки всыпал на 50 коп. гидрата. Имея сотку отравленной водки, Шамарин покупал только одну сотку, которую сам выпивал, а отравленной угощал мужика. На прошлой неделе Шамарин и Бочаров также отравили крестьянина, взяв у него повозку и пару лошадей, которые продали в Богодухове покупщику краденого Волкову. Я знал, что они отравляют крестьян, за это мне платили; за последнюю пару волов я получил 15 руб., а за лошадей 10 руб.».

За квартирую Бочарова я установил наблюдение и Бочаров был задержан в тот момент, когда только приехал в Харьков; он еще не успел зайти в свою квартиру. О приезде и задержании его не знала жена.

Бочаров долго не сознавался, несмотря на то, что Шамарин и Дракин при очной ставке подтверждали факт отравления крестьянина; поздно вечером лишь он сознался как в ограблении волов, так и пары лошадей.

В Богодухов я командировал своего надзирателя, который арестовал Волкова и две лошади, доставив их в Харьков. Вскоре лошади были опознаны братом неизвестно куда пропавшего крестьянина. Благодаря указаниям Волкова были задержаны еще два травителя, сознавшие в двух случаях отравления. Таким образом, было задержано шесть травителей и два укрывателя.

С задержанием их во всей Харьковской губернии и в городе прекратились случаи нахождения трупов крестьян.

Владелец аптекарской лавки на Москалевке был моим помощником Гореевым пойман в продаже хлоралгидрата сожительнице Шамарина и административно наказан штрафом в 100 руб., причем лишен права производства торговли. Обвиняемые присуждены от 6-10 лет к каторжным работам.

XIX

Разбойники. У инспектора духовной семинарии, статского советника Фоменко, живущего в здании семинарии, была совершена кража вещей на сумму более 1000 рублей. Воры, взломав наружные замки квартиры, проникли вовнутрь ее, где, поломав замки в сундуках и в конторке, похитили преимущественно лучшие вещи и носильное платье. Дом, где проживал потерпевший, находился в саду, обнесенном высоким забором; в соседстве этого сада расположен другой большой сад, называемый Карповским, для народного пользования.

Возвращаясь с места кражи через этот сад и рассуждая с агентами об этой краже, я высказал свое мне-

ние по поводу того, что похищенные вещи, ввиду большого количества их, были помещены в двух больших узлах, с которыми злоумышленники могли легко быть задержаны и, так как вблизи кражи находится Карповский сад, то они могли где-либо закопать похищенное и частями сбывать их покушникам, а потому приказал агентам осмотреть весь сад с целью, не заметят ли где-либо свежей земли.

Один из агентов доложил мне, что, найдя свежую землю в Карповском саду, он под нею обнаружил шелковые вещи, почему, засыпав землю обратно вещи и оставив своего товарища для наблюдения, пришел доложить.

Я тотчас же поехал к тому месту, где, убедившись в верности доклада, установил днем надзор. Вечером, вооружив трех лучших агентов револьверами, приказал им засесть вблизи места нахождения вещей, причем рекомендовал им для лучшего наблюдения поместиться на деревьях.

Около 3-х часов ночи, когда начало уже светать, агенты, сидя на деревьях, заметили приближавшихся к ним двух мужчин с женщиной. Дав им подойти поближе к месту нахождения вещей, агенты быстро соскочили с деревьев и побежали с целью задержания преступников, но злоумышленники произвели в агентов выстрелы, последние в свою очередь выстрелили в них. Видя свое бессилие, преступники побежали, производя в агентов, преследовавших их, выстрелы, последние также стреляли в убежавших, но выстрелы были с обеих сторон безрезультатны. Наконец, агенты загнали злоумышленников на кирпичный завод, где разбойники выпустили еще по выстрелу, ранили одного рабочего. При содействии последних преследуемые были задержаны. Рабочие завода здесь же на

месте учинили над ними самосуд, избив их чуть ли не до полусмерти.

Задержанные оказались уже известными грабителями Бадулиным и Умрихиным, отбывавшими не раз наказание в арестантских ротах. Они оба сознались в краже вещей у г. Фоменко и за вооруженное сопротивление полиции приговорены на 5 лет в арестантские отделения. Судебным следствием было установлено избиение их рабочими на заводе, подтвержденное показанием потерпевшего Фоменко, к которому приходили рабочие, прося «на чай» за задержание и избиение воров. Тем не менее, оба преступника, питая вражду к агентам за их задержание, заявили прокурорской власти, <что> якобы они были избиты агентами. Такое объяснение подсудимых не имело значения для дела, в котором они обвинялись. Преступники часто делают заявления на насильственные действия, производимые полицией, предполагая разжалобить присяжных заседателей. Заявления их преимущественно вымышленные.

XX

Шулера. Это особая профессия людей, занимающихся исключительно только игрою в карты и выигрывающих крупные деньги. Никакого определенного занятия они не имеют; живут исключительно игрою в карты. Есть и такие господа шулера, которые занимают общественное и служебное положение. Некоторым из них университетский значок маскирует преступную их деятельность.

В Одессе, а в особенности в Петербурге встречал я шулеров-гастролеров, даже в клубах сидевших на таб-

ле. Некоторые из них, имея у себя приличную квартиру и благодаря своему служебному положению, приглашают к себе своих друзей и знакомых, любителей поиграть на крупные деньги в карты. Эти квартирохозяева знакомят гостей с шулером, представляя его помещиком, купцом или провизором, и говорят, что он большой любитель крупной игры и что сильно рискует.

Играют в азартные игры не только в квартирах и клубах, но в отдельных кабинетах ресторанов или занимают номер в гостинице. В этих случаях хозяин получает известный процент с выигрыша.

Азартные игры суть: баккара, макао, шмендефер, экорте, штосс, банчок, стуколка. Есть еще семейные игры, как-то: винт, преферанс, безик, рамс и др. В эти игры, играя по крупной, также можно проиграть колоссальные деньги, но преимущественно в них играют для препровождения времени и по маленькой: проигрыш оканчивается несколькими десятками и редко сотнями рублей.

Шулера производят свои операции либо в передержку, либо в накладку. Карты, которыми они играют, или крапленые, или меченые ногтем; в последнем случае шулер сверху карты с правой стороны края ногтем делает вдавлину. В играх: баккара, шмендефер и макао метят 8 и 9, немного ниже 6 и 7; фигуры метят сверху карты и края, ближе к правому углу. В этих играх король, дама, валет и десятка считаются фигурами. Удобнее шулеру метить карты 1 сорта и труднее атласные, ибо на них слабо заметна ногтевая вдавлинка. Кроме пометки ногтем и крапом карт, фабрика сама выпускает карты, которые можно подобрать по рубашкам так, что можно по рубашке легко узнать, какая именно карта.

Для этого шулера покупают шесть игр карт – 12 колод, которые продаются отдельно за одной общей бандеролью. Всех этих карт рубашки имеют одинаковый рисунок, половина их красные, другая синие. Вскрыв осторожно над паром сверху колод бандероль, шулер сортирует карты с красной рубашкой, выбирая их так: 8 и 9-ки, чтобы рисунок рубашки был цел, верхней частью своей был бы в обрез с краем карты. Все фигуры подбирает <так>, чтобы рисунок рубашки был наполовину отрезан и этой частью равнялся бы с краем карты. Таким образом, из шести колод он составляет одну колоду с красной рубашкой; то же проделывается и с картами синей рубашки. Затем приготовленные карты вкладывает в ту же обложку и заклеивает бандеролью.

Приготовленные карты употребляются только в частных квартирах; в гостиницах и кабинетах прислуга предупреждена; в клубах ими воспользоваться весьма трудно, ибо карты подаются за печатью старшины. Ловкий шулер во время игры может обменять карты и в клубе, имея при себе помощника-«арапа».

Приготовленные или меченые карты шулер, обладая ловкостью рук и хорошим зрением, сдавая карты, делает передержки, заключающиеся в следующем: предположим, он видит, что 8 или 9-ка лежит сверху, она должна идти на первое табло, на котором сидит жертва – «пижон»; на втором табло находится его компаньон-«арап». Шулер вместо верхней карты дает первому табло вторую, а иногда даже третью карту; 8 или 9-ку посылает второму таблю или берет себе. Если он хочет, чтобы выиграл компаньон, то он дает ему условный знак: сжав правый кулак, поправив галстук или волосы, либо достав платок, закулив папиросу и т. п.; тогда на втором табло ставится большой куш. Банкомет-шулер проигрывает второму табло,

выигрывая с первого табло, дав ему две фигуры. Таким образом, <он> дает возможность выиграть своему товарищу для того, чтобы отвлечь всякое подозрение. В конце игры шулер заявляет о проигрыше. Выигрывает его товарищ, с которым он делится, получая 60%; но, если участвуют в дележе три человека, то он получает 40%, а товарищи по 30%.

Лучшими дерщиками в России считаются: Волоткевич, Побыховский, Липец, Белавин, Кушнарев, Зайдель, Назаров, Носовский и др.

В те же игры шулера употребляют накладки или готовят всю талию карт – две колоды так, что данных во всей талии будет одна только сдача. Приготовленные таким образом карты носят название «кругляка». Кругляк складывается так: туз, 2, 7, 9, две фигуры, 4, 3, 5, две фигуры, 8 6, а затем повторяются в таком же порядке карты, начиная опять с туза.

Шулер, имея при себе сложенные карты кругляком, во время игры незаметно перемещает карты и начинает бить играющих. Товарищ шулера, не сидящий на табло, принимает от шулера спрятанные в кармане карты, выходит в другую комнату или куда-либо в другое место и, сложив карты кругляком, незаметно передает шулеру или кладет их на стол, взяв в руки карты, которые отыграны.

Накладки так же готовятся как кругляк, разница лишь в том, что готовится только два, три удара. Приготовленная накладка помещается сверху карт и дается к снимке своему товарищу, сидящему на табло; при этом шулер из снятой части карт делает «мост», т. е. сгиная ту часть карт, а затем, производя «вольт», накладка оказывается вверху талии карт.

Лучшими исполнителями кругляка и накладки считаются: Летич – черногорец, Абр. Вайнштейн, Зайдель, Меламед, Стоцкий, Кривошеин, Андреев, Грин-

берг, старик Орловский, Маркович и много других, фамилии которых я, не желая компрометировать их как лиц, занимающих общественное положение и даже некоторые с университетским образованием, обозначу их только инициалами: Д-и, Н-ий, И-к М-о, В-ий.

В играх «экорте» шулера, имея на столе одного или двух компаньонов, после сдачи четырех карт каждому столу и открытия козыря, всякий из играющих показывает козырь, кладя его сверху; то же самое делает банкомет, присоединяя две карты с козырем наверху. При второй раздаче, товарищ собирает карты и, имея накладку сверху, тасует только нижнюю часть карт, затем дает снять, делая «мост» и, когда карты поступают к нему, то он, делая «вольт», образует у себя составленную им накладку. При сдаче карт, козырем оказывается тот самый, что был прежде, а бывшие козыри у тех, которые сидят на столе, попадают банкомету и шулер бьет комплектом всех играющих.

В винте, в преферансе, в банчке и др. метятся только масти. В стуколке – тузы, короли и масти. Есть шулера такие, которые в винте могут сдать коронку до 5-4.

XXI

Винокурение. Ввиду дороговизны казенной водки и весьма легкого и простого приготовления ее, а в особенности дешевизны продукта, из чего можно приготовить водку, многие, с риском для себя за последствие, занимаются тайным винокурением. Приспособления для винокурения самые простые: достаточно одного жестяного самовара и можно варить спирт в 80-90 градусов. Самовар или чан ус-

траивают так: крышку чана наглухо замазывают или запаивают. В ней делают два отверстия, куда вставляют жестяную коленчатую трубку, один конец которой соединяется с холодильником, помещающимся внутри чана и имеющим вид спирали; другой конец трубки, прикрепленный в отверстие крышки, имея гуттаперчевый или резиновый рукав, проходит снаружи чана; в конце рукава прикрепляют кран, из которого каплями стекает в подставленную посуду спирт. В чан помещают бражку корынки или какой-либо другой продукт с примесью корыньев, уничтожающих неприятный запах корынки. Подогревается чан керосинной горелкою. Из водопровода в холодильник пропускают воду. Все принадлежности для винокурения обходятся винокуру в 6-7 рублей, но выручает <он> хорошие деньги, получая за ведро спирта в 70° пять рублей. Винокур, пойманный на месте преступления, подлежит задержанию и содержится под стражею до суда. Наказание за тайное винокурение сравнительно небольшое, от 4-х месяцев до 2 лет тюремного заключения, но зато он подвергается колоссальному штрафу, половина которого, в случае взыскания, поступает в пользу открывателя. К сожалению, винокуры оказываются крайне бедными людьми, с которых не представляется возможным произвести взыскания, хотя бы частями. В течение двух лет мною было обнаружено 12 таких заводов и я лишь только получил денежную награду от Управ. акциз. сборами. Из всех обнаруженных мною тайных винокуренных заводов, приготовляемых в небольших чанах и самоварах, два таких завода, работавших при больших котлах и специально в отдельных помещениях, я обнаружил в м. Каменки, К.-Подольской губернии при следующих обстоятельствах:

Мне сообщили, что в Одессу из Подольской губ. прибыл еврей, предлагавший в продажу водку «пейсаховку». Имея у себя агента, также еврея, некоего Дудлера, я поручил ему познакомиться с ним и согласиться производить совместно продажу водки в Одессе.

Дудлер очень понравился еврею, он даже успел с ним подружиться. Сказав свой адрес, просил Дудлера приехать в Каменку, говоря, что там имеет спирт в бочках в несколько десятков ведер.

Переодевшись крестьянином и получив разрешение своего начальства, я с Дудлером выехал в м. Каменку, Ольгопольского уезда, куда мы прибыли около 10 час. вечера. Там мы остановились в заезжем дворе одного еврея. Дудлера я предупредил: в случае, если хозяин заезжего двора спросит, кто мы, чтобы он по секрету сказал ему, что мы конокрады.

Проголодавшись в дороге за сутки, я приказал слугителю приготовить что-нибудь перекусить. Дудлер уже познакомился с хозяином, которому сообщил, что мы приехали в Каменку с целью посетить одного помещика, проживающего вблизи этого местечка, так как нам сообщили, что мы легко сможем достать парочку хороших лошадей.

В комнату мою появляется хозяин с Дудлером, последний представляет мне хозяина. Хозяин оказался очень внимательным и услужливым господином. Приготовив нам яичницу, молоко и сметану, без моего приглашения принял участие в ужине. В разговоре со мною он интересовался узнать род моих занятий и местожительство. Я заявил, что постоянно проживаю в г. Николаеве, в собственном доме, занимаюсь барышничеством лошадей.

«Вы, милостивый государь, не беспокойтесь и никого здесь не бойтесь; можете смело доставить ко мне в заезжий двор лошадей, я в самых лучших отноше-

ниях с местным урядником, который является единственным полицейским чином у нас в местечке. За все время своей службы он был у меня всего только один раз. Если понадобится вам покупатель для лошадей, то я смогу найти такого человека, который даст хорошую цену и немедленно уедет. Вы будете совершенно свободны и без хлопот поедете домой с деньгами, мне уплатите 10% за проданные лошади», заявляет хозяин заезжего двора.

«Спасибо вам за любезность, я сегодня ночью с своим товарищем уйду в поле, а к утру вы приготовьте покупателя».

Пужинав, мы ушли бродить по местечку. Было около 2-х час. ночи. Обойдя все местечко, я усмотрел в двух местах дым, выходящий из труб домов и тогда же пришел к заключению, что в этих домах должны быть тайные винокуренные заводы. Дудлер был того же мнения. Возвратились мы в заезжий двор около 5 час. утра. Хозяин и еще какой-то мужчина нас встретили и оба выразили свое удивление, что мы пришли, а не приехали верхом. Я заявил, что мы только ходили узнать, можно ли что-либо сотворить, но натолкнулись на сторожа, а потому решили отложить свою работу на следующую ночь. Легли мы спать, прося разбудить нас к 12 час. дня.

В просимое время мы были разбужены; самовар был уже на столе. Дудлер остался в номере, а я отправился на базар. Разыскав судебного следователя, я пошел к нему и, предъявив открытый лист, просил вызвать в Каменку двух акцизных чиновников для участия в обнаружении тайного винокурения, причем просил предупредить их явиться в Каменку в партикулярном платье. Чины акцизного надзора жили в 10 верстах от Каменки. Следователю я заявил, что зайду к нему вечером в 10 часов.

В назначенный час я с Дудлером прибыл к следователю. Здесь уже ожидали меня акцизные чиновники, желавшие узнать место нахождения заводов. Судебного следователя я просил вызвать урядника и сотских для оказания содействия. Явившийся урядник не знал цель сбора полиции, я ему сказал, что приехал в Каменку обнаружить фальшивомонетчиков.

Когда все были в сборе, мы разделились на две группы: в первой был я, акцизный чиновник, следователь и 6 сотских; во второй урядник, акцизный чиновник, Дудлер и 6 сотских. Дудлеру я приказал идти в ближайший от квартиры следователя дом, где ночью мы видели дымок, а сам отправился в другое место.

Придя к тому дому, где прошлую ночь видел я дым, мы заметили, что в этом доме и сейчас так же топится. Войдя туда и осмотрев все помещение дома, мы, к нашему удивлению, ничего там не нашли, печь оказалась совершенно холодной. Я лично взглянул в русскую печь, в ней я нашел железную трубу, проведенную из-под земли. Найдя место провода трубы, упиравшейся в погреб, расположенный рядом с этим домом, я вошел туда в полной уверенности, что там завод, но оказалось, что труба проведена была через весь погреб, имея выход в задней его части; следуя далее по трубе, я усмотрел, что она проведена в полутораэтажный дом, откуда был слышен сильный запах спирта; кроме того, из-под дверей вытекала жидкость того же запаха. Дверь была закрыта на внутренний засов.

Став все возле двери, мы сильным нажатием высадили ее. В этом помещении обнаружили в полном ходу винокурный завод. Котел, в котором приготавливался спирт, был мерою около 15 ведер. Найдено готового спирта около 35 ведер. 18 больших перере-

зов были наполнены бражкой из корынки, спирт был 80°. Завод принадлежал еврею Кришталю, который задержан в заводе за работу совместно со своим помощником.

Дудлер в другом месте также обнаружил завод, но немного в меньшем размере, он принадлежал родственнику задержанного мною Кришталю. Оба владельца завода приговорены к штрафу по 36 тысяч рублей каждый.

Воображаю себе, что подумал хозяин заезжего двора, где я остановился, когда узнал, что я не конокрад, а полицейский чиновник.

Оглавление

<i>А. Шерман. Забытый сыщик Виталий фон Ланге</i>	7
Преступный мир. Воспоминания сыщика	
I	15
II	20
III	27
IV	32
V	36
VI	39
VII	44
VIII	48
IX	56
X	59
XI	61
XII	67
XIII	72
XIV	74
XV	78
XVI	82
XVII	86
XVIII	89
XIX	94
XX	96
XXI	100
Книги серии «Новая шерлокиана»	107